

Элджернон Блэквуд

Пустующий
дом
и
другие
рассказы

Элджернон Блэквуд

Пустующий дом и другие рассказы

«Автор»

2026

Блэквуд Э.

Пустующий дом и другие рассказы / Э. Блэквуд — «Автор»,
2026

Эта книга стала началом плодотворной карьеры Элджернона Блэквуда, как автора в жанре мистики и ужасов, который со временем снискал ему славу на радио, а потом и на телевидении, где он выступал со своими рассказами. Десять рассказов этой книги, не связанных между собой сюжетной линией, но объединенных общей идеей исследования таинственного и неизведанного, являются яркой демонстрацией мастерства его пера, и вдобавок к этому дают все основания признать за автором право считаться классиком и одним из основоположников жанра мрачного фэнтези.

© Блэквуд Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Вместо Предисловия	6
Пустующий дом	7
Остров призраков	19
Докучливые соседи	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пустующий дом и другие рассказы

Глава

Элджернон Блэквуд

**Пустующий Дом
и другие рассказы**

Оглавление

Вместо Предисловия

Пустующий дом

Остров призраков

Докучливые соседи

Обещание старого друга

С тайным намерением украсть

Роща Мертвых

Смит: случай в доходном доме

Подозрительный подарок

Неожиданный поворот

I

II

III

Озеро Скелетов: случай в лесу

Примечания

Вместо Предисловия

Эта книга стала началом плодотворной карьеры Элджернона Блэквуда, как автора в жанре мистики и ужасов, который со временем снискал ему славу на радио, а потом и на телевидении, где он выступал со своими рассказами.

Рассказы Блэквуда главным образом основываются на его личном опыте, также как и на приверженности мистическому учению Розенкрейцеров и знания канонов Буддизма. Являясь непоколебимым сторонником идеи реинкарнации, в своих произведениях он часто выражал понимание природы, как некоей разумной силы – идеи, настолько же прекрасной, насколько и пугающей, и в то же время способной дать объяснение тому самому чувству благовеинного трепета и страха, которое возникает при прочтении большинства из его творений.

Десять рассказов этой книги, не связанных между собой сюжетной линией, но объединенных общей идеей исследования таинственного и неизведанного, являются яркой демонстрацией мастерства его пера, и вдобавок к этому дают все основания признать за автором право считаться классиком и одним из основоположников жанра мрачного фэнтези.

Пустующий дом

Некоторые дома, также как и некоторые люди, умудряются так или иначе при случае продемонстрировать свой скверный характер. Если говорить про людей, то вы не заметите ни единого признака, способного выдать в них эту склонность. Такие вполне могут быть обладателями благородной внешности и сиять открытой улыбкой, и в то же время стоит лишь немного побыть с ними рядом, как возникает несокрушимая уверенность в том, что здесь явно не всё в полном порядке. Так или иначе, обстоятельства вынуждают их проявить истинную природу своих потаенных и злобных помыслов, что заставляет моментально от них отстраниться, как от страдающих заразной болезнью. Вероятно, и в отношении домов действует тот же принцип. Причем совершенно невозможно избавиться от навязчивого аромата злых деяний, находясь под той крышей, где они совершались. Он будет ощущаться еще очень долго после того, как действующие персонажи уйдут из жизни, и только об одной мысли об этом на теле появляется гусиная кожа и волосы встают дыбом. Что-то напоминающее побудительный мотив, который руководил преступником в момент совершения преступления, а вслед за ним страх, охвативший его жертву, проникают в сердце невинного очевидца. Внезапно он начинает чувствовать, как щекочит его нервы, как по всему телу бегают мурашки, а в жилах начинает стечь кровь. А потом вдруг, в одно мгновение, без каких-либо видимых причин, такой случайный наблюдатель бывает охвачен невероятным ужасом.

Во внешнем облике именно этого дома не было абсолютно ничего, способного подтвердить байки о тех ужасах, которые царили за его стенами. Он не выглядел ни заброшенным, ни унылым. Стоял он на углу площади, вокруг него всегда толпилось много народу, и при этом выглядел он точь-в-точь, как и другие дома, стоявшие рядом с ним. У него было точно такое же количество окон, как и у его соседей; точно такой же балкон с видом на парк; точно такие же белые ступеньки, ведущие к массивной черной входной двери. Немного подалее виднелся точно такой же зеленый газон, окаймленный аккуратной бровкой, бегущей прямо к стене, отделяющей его от задних дворов, примыкающих к нему домов. Со всей очевидностью можно сказать, что и число колпаков над печными трубами на его крыше было точно таким же, как и у других домов в этом районе. Точно таким же была и ширина выступа карниза, как и угол под которым он был установлен; и даже территория для вывоза мусора, огороженная изгородью, была совершенно точно такой же.

Но, тем не менее, этот дом на площади, который выглядел, тютельница в тютельница, как и его пятьдесят невзрачных соседей, был, если сказать по правде, совсем не таким, — а точнее, до самой жути другим.

В чем именно заключалось это неуловимое различие невозможно сказать. Тем не менее, всё это нельзя целиком и полностью приписать разбушевавшейся фантазии. Потому что люди, которым приходилось какое-то время проводить в этом доме, при этом совершенно не знакомые с существовавшими байками, со всей уверенностью утверждали, что нахождение в некоторых из его комнат было настолько неприятным, что они предпочли бы умереть, чем оказаться в них снова. К тому же и атмосфера, установившаяся в этом доме, во время их пребывания в его стенах, заставляла до глубины души испытывать подлинный страх. Вместе с тем и число ничего не ведающих обо всех этих историях жильцов, которые пытались жить в этом доме, но затем были вынуждены съехать в кратчайшие сроки, стало в действительности прямо-таки причиной того, из-за чего в городской администрации разразился скандал.

Когда Шортхауз отправился навестить свою тетюшку Джулию в её маленьком домике, расположенном на морском берегу в другой части города, он нашел её с головой погружившуюся в нечто таинственное и от волнения потерявшей всякий контроль над собой. Этим утром,

едва получив её телеграмму, он, предвкушая великую скуку, отправился в путь. Однако именно в тот момент, когда он коснулся её руки и поцеловал напоминавшую печеное яблоко морщинистую щеку, он сумел уловить этот изначальный импульс невероятной нервной «наэлектризованности», исходящий от неё. Возникшее впечатление многократно усилилось после того, как он понял, что никаких других гостей больше ожидать не приходится, и то, что ему телеграфировали по весьма особому случаю.

Что-то витало в воздухе, и это что-то в конечном итоге должно было обрести какое-то выражение хотя бы по той причине, что его пожилая тетушка, обладающая как незаурядным умом, так и развитой силой воли, с её одержимостью психологическим анализом всеми правдами и неправдами, как правило, всегда ухитрялась добиваться своего. В чем собственно дело стало понятно сразу после чая, когда во время их неспешной прогулки по морскому берегу в вечерних сумерках она потихоньку начала выкладывать то, что ей от него было нужно.

- У меня есть ключи, - воскликнула она дрожащим от волнения голосом. – Мне их дали до понедельника!

- Это Вы про ключи для купальной машины¹, да...? – как бы невзначай спросил он, отрывая свой взгляд от морской поверхности и переводя его в сторону города. Однако ничего не было в этом мире, способного так быстро вывести её из себя, как его попытка притвориться идиотом.

- Да, нет же, - шепотом прошептала она. – Я достала ключи от того дома с привидениями, что стоит на площади. Так что сегодня ночью я точно туда пойду.

Едва ощутимая дрожь пробежала по его спине, поэтому он тут же решил сменить свой подтрунивающий тон. Что-то в её голосе и манерах заставило его прислушаться. Он понял, что она вовсе не шутит.

- Только, знаете, Вам не стоит туда идти одной, - начал было он.

- Вот поэтому я и послала тебе телеграмму, - с решимостью в голосе ответила она.

Он обернулся, чтобы взглянуть на свою тетю. Тайнственным выглядело раскрасневшееся от волнения, некрасивое и покрытое морщинами лицо. Подобно сияющему нимбу его венчало выражение непритворного энтузиазма. Глаза сияли огнем. Он опять уловил эмоциональную волну, исходящую от неё, и снова нервная дрожь, более сильная, чем в первый раз, пробежала по его телу.

- Благодарствуйте, тетушка Джулия, - вежливо ответил он. – Спасибо Вам огромное!

- Да я одна в жизни не посмею туда сунуться, - продолжала она, уже в полный голос. – Но зато с тобой я пойду хоть на край света. Ты же у нас смелый. Ничего не боишься! Я знаю.

- Премного Вам благодарен, - снова повторил он. – А если вдруг что-нибудь случится?

- Уже итак много чего произошло, - снова зашушукала она. - Хотя об этом лучше помалкивать. За последние несколько месяцев в нем поселилось три новых жильца, они как приехали – так и съехали, так что теперь этот дом стоит совершенно пустой, а нам только этого и надо.

Как бы он поначалу не сопротивлялся, такое предложение вызвало у него любопытство. Его дорогая тетушка говорила на полном серьезе.

- На самом деле дом очень старый, - продолжала она. – А история, которая произошла в его стенах, – весьма неприятная, кстати, – приключилась очень давно. Всё это связано с убийством молодой домработницы, которое совершил ревнивый конюх. Однажды ночью ему удалось спрятаться в подвале, а когда все уже крепко спали, он прокрался наверх в то помещение, где жила прислуга, выманил девушку на этаж ниже и не дожидаясь, пока кто-нибудь поймет зачем он здесь и поспешит ей на помощь, поднял её и бросил на перила внизу в вестибюле.

¹ Купальная машина - была известна как купальный фургон; передвижная купальня. Популярное в XVIII и XIX веках приспособление для купания на морских пляжах, позволявшее мужчинам и женщинам купаться, сохраняя правила приличия тех времён. Представляли собой крытую повозку с деревянными или брезентовыми стенками. Купальные машины были необходимой частью пляжного этикета, они скрывали купальщиков от посторонних глаз.

- А что потом был с этим конюхом?

- Насколько мне известно, его поймали и повесили за предумышленное убийство. Однако всё это произошло лет сто тому назад, так что больших подробностей мне узнать не удалось.

Теперь Шортхауз поймал себя на том, что эта история начинает его интересовать. При чем, не смотря на то, что он не относил себя к особам слабонервным, рассказ тетушки вызвал у него некоторую нерешительность.

- Мы пойдем туда только при одном условии, - в конце концов произнес он.

- Ничто не заставит меня отказаться от этой идеи, - категорично возразила она. – Ну, ладно, валяй, выкладывай свое условие.

- Мы пойдем туда только при том условии, что Вы пообещаете мне, держать себя в руках, даже если там действительно будет происходить что-нибудь ужасное. Я хочу сказать..., что Вы должны быть уверены в том, что это Вас не слишком сильно испугает.

- Джим, - с насмешкой в голосе ответила она. – Я уже не девочка, и я прекрасно знаю, что у меня нервы ни к черту, но с тобою рядом мне ничего в этом мире не страшно!

На этом они и договорились. Поскольку Шортхауз был обычным молодым человеком и не имел никаких притязаний на то, чтобы казаться кем-нибудь еще, а такое предложение служило вызовом его самолюбию, не принять которого он не мог. В результате он согласился пойти.

Безотчетно, благодаря определенной психологической подготовке, весь вечер ему удавалось держать себя в руках, прибегнув к методу включения внутренних резервов, тем самым обеспечивая нужный контроль над непостижимыми процессами, протекавшими глубоко в подсознании, понемногу давая выход эмоциям, а потом резко поворачивая ключ и сдерживая их. Такой процесс очень трудно описать, тем не менее, владение искусством контроля над эмоциями на самом деле является поразительно эффективным, хотя это способны понять лишь только те люди, кому удалось пройти через суровые испытания, выпадающие на долю «внутреннего я». Как мы увидим позднее, владение собой принесло ему огромную пользу.

Еще не было и половины десятого, когда они уже стояли в вестибюле, утопающие в приветливом свете, льющемся из ночных светильников. При этом продолжая осязать присутствие позитивного окружения – дающего им ощущение комфорта и уверенности в себе. Именно в этот момент он первый раз попробовал подключить резервы внутренней силы. Лишь только за их спинами захлопнулась входная дверь, а он увидел перед собой, утопающую в лунном свете, совершенно пустынную и тихую улицу, протянувшуюся далеко вперед, он понял, что этой ночью испытанию на смелость вместо одной подвергнутся две души. Кроме того он понял, что наряду со своими страхами ему придется бороться и со страхами своей тетушки. А когда он оглянулся и увидел маску сфинкса, застывшую на её лице, его тут же пронзила мысль о том, что кроме настоящего кошмара вряд ли эта прогулка может предвещать что-либо приятное. Тогда в предвкушении грядущей авантюры он почувствовал успокоение от того, что может целиком и полностью быть уверенным в своих собственных силах и воли, способных справиться с любыми потрясениями, поджидающими их впереди.

Неспешно шли они вдоль безлюдных городских улиц. Полная осенняя луна посеребрила крыши, заставляя отбрасывать их причудливые мрачные тени. Ни единого дуновения ветерка не ощущалось в застывшем воздухе. Деревья в парках, разбитых на морском берегу, молча провожали их, когда они проходили мимо. На случайные фразы тетушки Шортхауз не обращал никакого внимания, понимая, что с их помощью она пытается поставить психологический барьер и поэтому говорит о всяких пустяках, чтобы не думать о том, что её беспокоит больше всего. Всего в нескольких окнах горел свет, а трубу на крыше, из которой шел дым и валили искры, он только одну и заметил. К этому времени у Шортхауза обострилось восприятие окружающей действительности, и он начал замечать мельчайшие детали. Внезапно они остановились на углу улицы и посмотрели на залитую лунным светом табличку, прикрепленную на

стене дома, а затем дружно, словно по команде, не произнеся ни единого слова, повернули на площадь и пересекли её, направляясь в ту её часть, что лежала в тени.

- Номер дома тринадцать, - послышался шепот рядом. Никто из них не придавал этому особого значения, они просто пересекли широкую полосу лунного света застывшую на тротуаре, и в полном молчании проследовали дальше.

Пройдя полпути по площади, Шортхауз почувствовал как она тактично, но уверенно позволила ему взять её под ручку, и тогда он понял, что их приключения действительно только начинаются, а его попутчица уже невольно начала поддаваться их подспудному влиянию. Ей нужна была поддержка.

Спустя несколько минут они остановились перед высоким, но узким домом, который буквально вырос перед ними в ночной тьме. Неказистый с виду он был окрашен в грязно-белый цвет. Окна без штор и тюлевых занавесок пристально таращились на них то тут, то там блистая лунными бликами. На стенах виднелись следы дождевых потоков, краска кое-где облупилась, к тому же и балкон на втором этаже как-то неестественно выступал вперед. Тем не менее, за этими главными отличительными признаками, с помощью которых можно узнать заброшенное здание, ничто при беглом осмотре не могло указать на то, что именно этот огромный домик приобрел репутацию пристанища злой силы.

Оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться в том, что за ними никто не следит, они с решительным видом поднялись по ступенькам и подошли к огромной черной двери, встретившей их с холодной неприязнью. Однако совершенно неожиданно на них обрушилась волна смутения, от чего Шортхауз очень долго провозился с ключом, пытаясь вставить его в замочную скважину. По правде говоря, в этот момент они надеялись на то, что дверь не откроется, поскольку, стоя на пороге заброшенного дома в предвкушении рискованной авантюры с привидениями, они чувствовали, как различные неприятные эмоции обуревают ими. Будучи не в силах освободиться от вцепившейся в его руку тетушки, и при этом со всей серьезностью понимая торжественность момента, Шортхауз продолжал возиться с ключом. Ему казалось, будто целый мир, не смотря на те чувства и эмоции, которые сейчас были сосредоточены в его сознании, внимательно прислушивается к дребезгу его ключей. Внезапный порыв ветра пронесся по безлюдной улице, разбудив стоящие позади деревья, чем вызвал их рассерженный ропот. И больше ни единого звука на всю округу кроме назойливого лязга ключа упорно нежелающего поворачиваться. В конце концов, замок поддался, тяжелая дверь со скрипом открылась и перед ними зияющей бездной разверзлась черная пустота парадного входа.

Бросив прощальный взгляд на залитую лунным светом площадь, они быстро вошли внутрь. После чего дверь за ними захлопнулась, отвечая на чудовищный грохот бесчисленным эхом, пронесшимся по запустелым комнатам и проходам. Лишь только раскатистый гул затих, как в то же мгновение до их ушей донесся совершенно другой звук, заставивший прислушаться к нему более внимательно. Услышав это звук, тетушка Джулия настолько сильно прижалась к своему племяннику, что тому пришлось, отступить на два шага назад для того, чтобы сохранить равновесие.

Внезапно совсем близко кто-то кашлянул. Выглядело так, будто в этой крошечной тьме какой-то человек находится совсем рядом с ними.

Решив, что над ними кто-то решил подшутить, Шортхауз тут же со всей силы ударил своей тростью в том направлении, откуда исходил звук, но в ответ они не услышали ничего, кроме свиста рассекаемого воздуха. Тут его слух уловил, как она тихонько охнула от изумления.

- Там кто-то есть, - шепотом произнесла она. – Я точно говорю.

- Без паники! – уверенным голосом ответил он. – Это может быть только входная дверь.

Ой! Давай быстрее! Зажги спичку! – подгоняла она, пока её племянник искал в карманах затерявшийся коробок спичек. Коробок то он нашел, да только по оплошности открыл его вверх дном, в результате чего все спички с сухим треском рассыпались по каменному полу.

Однако звук больше не повторился, впрочем, и шороха удаляющихся шагов им, по всей очевидности, ждать не приходилось. Уже через минуту свеча ярко горела, а в качестве подставки для неё они приспособили портсигар. Когда же первое пламя понемногу убавило свой пыл, он взял самодельную лампу, поднял её повыше, и с помощью неё осмотрел окружающее пространство. По совести говоря, место выглядело довольно мрачным и унылым. Поскольку среди всех людских пристанищ нет обители более безутешной, чем заброшенный дом – плохо освещенный, безмолвный и всеми забытый; да еще к тому же породившей немало нелепых слухов и жутких историй.

Они находились в просторном вестибюле; слева от них была открытая дверь, ведущая в большую столовую, а впереди холл, который постепенно начинал сужаться, а потом переходил в длинный черный коридор, ведущий, судя по всему, к площадке для кухонных лестниц. Не успели они и глазом моргнуть, как оказались на нижней площадке громадной лестницы, не покрытой ковром и утопающей во мраке. Освещенным на ней оставался лишь только небольшой участок, образовавшийся на несколько ступенек выше, где поток лунного света, просачиваясь сквозь окно, ложился на доски яркой заплатой. Световой поток распространял слабое излучение, охватывая пространство выше и ниже участка падения, тем самым превращая объекты, находящиеся в области его досягаемости, в призрачные силуэты, что придавало неизмеримо более завораживающий и пугающий вид, чем на это была способна полная темнота. Казалось, будто струящийся лунный свет постоянно рисует различные лица на окружающем мраке, из-за чего Шортхауз начал пристально вглядываться в самую непроглядную черноту, думая при этом о бесчисленных пустующих комнатах и проходах, расположенных в верхней части старого дома. Вдруг он поймал себя на том, что неимоверно сильно хочет снова оказаться на залитой луной площади, или же в уютной светлой гостиной, которую они покинули всего час назад, там, где он чувствовал себя в полной безопасности. Но затем, осознавая, что подобные мысли ни к чему хорошему не приведут, он отбросил их в сторону и опять собрал всю свою внутреннюю силу, концентрируя внимание на происходящем.

- Тетушка Джулия, - сказал он серьезным тоном. – Теперь нам нужно обойти весь этот дом с верха до самого низа и хорошенько его осмотреть.

Эхо его голоса пронеслось по всему строению и постепенно угасло, и тогда во внезапно навалившейся тишине он обернулся, чтобы взглянуть на неё. При свете свечи он увидел, что лицо её приобрело какую-то мертвенную бледность. В это момент она убрала свою руку, перестав за него держаться, и, приблизившись к нему, шепотом произнесла:

- Хорошо, я согласна. Нам нужно проверить, что здесь никто не прячется. Но ты должен мне обещать только одно.

Она говорила с явным напряжением в голосе, поэтому он посмотрел на неё с удивлением.

Вы уверены, что с Вами всё в порядке? – поинтересовался он. – Еще не поздно...

- Знаешь, что, - шептала она, то и дело боязливо оглядываясь по сторонам. – Пообещай мне только одно...

- Ну, хорошо. Что там еще? – ответил он.

Пообещай мне, что ты никогда, даже на одно мгновение не оставишь меня одну.

- Главное чтобы Вы понимали, что нужно прислушиваться к любому звуку, присматриваться к любому объекту, поскольку неуверенность и колебания порождают страх. А это для нас смерти подобно.

- Хорошо, - после недолгой паузы дрожащим голосом ответила она. – Я попробую.

Шортхауз держал в одной руке капающую свечу, а в другой трость, в то время как тетушка накинула плащ себе на плечи и взяла его под руку. Ни дать ни взять самые настоящие персонажи феерической комедии намерились начать систематический осмотр дома.

Крадучись на цыпочках и при этом прикрывая свечу, чтобы их не увидели сквозь незанавешенные окна, первым делом они отправились в большую столовую. Там они не обнаружили ничего, что имело бы хоть какое-нибудь отношение к мебели. Абсолютно голые стены, неприглядные с виду каминные полки и пустые каминные таращились на них. Они чувствовали, что все предметы в этом доме недовольны их появлением и украдкой наблюдают за ними, шепот преследовал их, из стороны в сторону порхали бесшумные тени. Им постоянно казалось, что кто-то за их спиной так и ждет, когда ему подвернется возможность причинить им какой-нибудь вред. Неизменное ощущение того, что действие, которое происходило в этой комнате, пока их в ней не было, оказалось на время приостановлено, и кто-то с нетерпением ждет, когда же, в конце концов, они уберутся отсюда, не покидало их ни на одно мгновение. У них появилось такое чувство, будто весь мрачный интерьер старого дома был пропитан эманациями могущественного злого Духа, во владения которого они бесцеремонно вторглись. Он призывал их отказаться от своей затеи и подобру-поздорову убираться восвояси. С каждой секундой нервное напряжение только усиливалось.

Покинув мрачную столовую, они прошли через двустворчатые межкомнатные двери в помещение, которое в этом доме либо играло роль библиотеки, либо комнаты для курения, - в равной степени как обьютое тишиной, так и погруженное во тьму и утопающее в пыли. А отсюда у них появилась возможность по служебной лестнице вернуться в вестибюль.

С верхней лестничной площадки для них открывался вид на области в доме расположенные ниже, и следует признаться, - они никак не решались начать свой спуск. Однако колебались они не долго, всего минуту. Поскольку ночь становилась всё темней, и поэтому для них было важно поскорее выбраться из пугающей пустоты. В темноте тетушка Джулия споткнулась о верхнюю ступеньку, едва освещенную мерцающей свечой, и тогда даже Шортхауз почувствовал, как в душе у него начало зарождаться желание поскорей унести отсюда ноги.

- Пойдемте! – решительно произнес он. Его раскатистый голос эхом множился, заполняя черную пустоту внизу.

- Я итак иду, - робко ответила она, при этом еще сильнее вцепившись в его руку.

С некоторой неуверенностью они начали спускаться вниз по каменным ступенькам. Спертый и несвежий воздух холодной сыростью ударил им в лицо. Кухня, куда по узкому проходу шли ступеньки, была просторной и с высокими потолками. В ней имелось несколько дверей – одни вели к стенным шкафам, в которых на полках до сих пор еще стояли пустые банки, а другие в отвратительные маленькие подсобные помещения, которые выглядели так, словно в каждом из них сидело по приведению. При этом одно другого было неприветливей да еще к тому же менее уютным, чем предыдущее. Полчища черных тараканов носились по полу в разные стороны. А после того, как они споткнулись о журнальный столик, стоящий в углу, что-то размером с кошку прыгнуло с него вниз и прошмыгнуло по каменному полу куда-то в темноту. На всем лежала печать уныния и запустения, не смотря на то, что в каждом из помещений чувствовалось недавнее присутствие людей.

Выйдя из основного кухонного помещения, они отправились в посудомоечную. Дверь туда была приоткрыта, и после того, как они толкнули её посильней, чтобы полностью открыть, у тетушки Джулии вырвался пронзительный крик, который она тут же поспешила заглушить, прикрыв рот рукой. Шортхауз тут же замер как вкопанный, у него перехватило дыхание. Он почувствовал, как у него онемела спина, будто кто-то ему в позвоночный столб насыпал кусочки льда.

Прямо перед ними, уставившись на них дикими глазами, в дверном проеме стояла женщина. Волосы её были растрепаны и не ухожены, а её обаятое ужасом лицо было бледным как смерть.

Застыв в неподвижности, она простояла перед ними не больше одной секунды. Затем свеча задрожала, и эта женщина пропала, - причем пропала бесследно. И теперь дверной косяк обрамлял лишь только непроглядную темень.

- Опять эта чертова свеча, - сказал он торопливо каким-то чужим голосом. Будто это говорил кто-то другой, и он не мог им полностью управлять.

- Пойдемте тетушка. Здесь никого нет.

Он поволок её вперед. Уверенно стуча каблуками и стараясь напустить на себя храбрости, они преодолели дверной проем. Однако вдруг он почувствовал, как на его теле кожа начала шевелиться, словно под ней ползали мурашки, и тогда, по прилагаемой к его руке нагрузке, он понял, что ему приходится тащить не одно, а два тела. Посудомоечная выглядела совсем убого и неприветливо, гораздо в большей степени она походила на огромную тюремную камеру, чем на что-либо еще. Они её всю обошли и осмотрели. Потом попробовали открыть дверь, ведущую во двор, а также окна, но они были закрыты накрепко. Тетушка шла за ним по пятам, точно как сомнамбула. Глаза её были плотно сомкнуты, и казалось, будто она подчиняется только его принуждению. Сила её духа наполняла его восхищением. В то же самое время он заметил, что в ней произошла какая-то перемена, и теперь в выражении её лица появилось что-то особенное, то, что в определенном роде находилось за пределами его аналитических способностей.

- Да нет здесь никого, тетушка, - повторил он уже более громким голосом. - Давайте поднимемся наверх и осмотрим остальную часть дома. А потом выберем какую-нибудь комнатку и там переждем до наступления утра.

Она послушно пошла за ним, стараясь не отставать ни на шаг, оставалось только закрыть за собой кухонную дверь. Какое же облегчение легло на их души, когда они снова поднимались по лестнице. По той причине, что луна изменила свое положение на небе и сейчас находилась немного ниже ступенек лестницы, в этот момент в вестибюле было больше света, чем прежде. Со всей осторожностью они начали свой подъем в мрачные чертоги наверху. Деревянные половицы скрипели под их весом.

На втором этаже они обнаружили две просторные гостиные, в которых они ничего не нашли. В них также не было как наличия какого-либо подобия мебели, так и каких-либо признаков недавнего присутствия людей. Ничего кроме мерзости и запустения, да еще зловещая мгла. Они открыли большие двустворчатые двери между первой и второй гостинными, затем снова вышли на лестничную площадку и начали подниматься вверх по лестнице.

Поднявшись не более чем на десять-двенадцать ступенек, они внезапно остановились и прислушались, настороженно и с опаской глядя друг другу в глаза сквозь мерцающее пламя свечи. Из той комнаты, которую они покинули всего несколько секунд назад, слышался едва уловимый скрип, будто кто-то осторожно закрывал дверь. Не подлежало сомнению и то, что вслед за этим они слышали нарастающий гул, который сопровождает захлопывание тяжелых дверей, а потом резкий щелчок дверной задвижки.

- Нам нужно спуститься и посмотреть, что там такое, - шепотом, отрывисто сказал Шортхауз, и повернулся, чтобы снова идти вниз по лестнице.

Каким-то чудом ей удалось от него не отстать, правда, она споткнулась и чуть не упала, так как нечаянно наступила на собственное платье, а лицо её при этом побелело от страха.

Когда же они вошли в первую гостиную, яснее ясного было то, что еще и минуты не прошло, как двустворчатые двери то ли сами по себе закрылись, то ли их кто-то закрыл. Без колебания Шортхауз раскрыл их нараспашку. Он почти не сомневался в том, что во второй комнате кого-нибудь встретит, но ждала их там непроглядная темень и неприветливый зябкий холод.

Они обыскали обе комнаты, но никого в них так и не нашли. По этой причине они решили провести эксперимент и всеми силами старались заставить двери сами собой закрыться, да только ветер был до того слабый, что едва мог заставить дрожать пламя свечи. Никаких сомнений не возникало в том, что без приложения достаточной силы двери сами по себе закрыться не могли. А ветром даже и не пахло. Никакого, даже чахлого никчемного ветерка. Гробовая тишь. Очевидным являлось то, что комнаты стояли совершенно пустыми, а сам дом целиком и полностью был свободен от присутствия каких бы там ни было людей вообще.

- Начинается, - нашептывал испуганный голос возле него, в котором он с большим трудом узнал голос своей тетушки.

Он молча кивнул, в знак согласия, при этом достав свои часы, чтобы узнать время. До полуночи оставалось пятнадцать минут. Затем он сделал запись обо всем, что произошло в свою записную книжку, поставив свечу в портсигаре на пол. Пару секунд ушло на то, чтобы надежно её закрепить возле стены.

Впоследствии тетушка Джулия рассказывала, что в тот момент она повернула голову, чтобы посмотреть вглубь комнаты, где ей слышалось, будто кто-то ходит. Как бы там ни было и она, и её племянник единодушно утверждают, что тогда им слышался шорох торопливых шагов, как если бы совсем рядом с ними прошло множество людей. А уже через мгновение их свеча погасла!

Если говорить о Шортхаузе, то он говорит, что видел гораздо больше, и поэтому при каждом удобном случае благодарит судьбу за то, что видел это лишь только он один, а тетушка так ничего и не заметила. Поскольку, когда, установив свечу, он начал подниматься, а это произошло еще до того, как свеча погасла, прямо перед ним появилась какая-то физиономия, да еще к тому же настолько близко, что он с ней чуть не поцеловался. Он видел перед собой искаженное гневом мужское лицо, темное, с грубыми чертами и со злобными и дикими глазами. Оно принадлежало какому-то простолюдину, и злобное выражение было для него привычным. Никаких сомнений у него не возникло на тот счет, что он видел перед собой раздраженное, источающее агрессию лицо какого-то изверга, но, тем не менее, это было человеческое лицо.

Воздух был абсолютно неподвижен, и при этом ничего не было слышно кроме приглушенного топота, как будто кто-то бежал в чулках, ступая ногами по полу. Потом возникло это видение..., и почти в тот же самый момент, когда перед его глазами появилось это лицо, погасла свеча.

Не смотря на то, что Шортхауз изо всех сил пытался держать себя в руках, у него из горла вырвался тихонький вскрик. Скорее всего, это произошло еще из-за того, что он чуть не потерял равновесие в тот момент, когда тетушка всем весом навалилась на него, будучи сама, по всей видимости, совершенно не в силах справиться с охватившим её страхом. Она не издала ни единого звука, а просто крепко вцепилась в него обеими руками. Впрочем, к счастью, она ничего не видела, хотя топот ног все-таки слышала, потому что самообладание к ней вернулось сразу, и она сумела, уже не держась за него чиркнуть спичкой.

От яркого пламени спички тени бросились врассыпную, и тогда его тетушка наклонилась и наощупь нашла на полу портсигар с закрепленной в нем драгоценной свечой. Благодаря чему они узнали, что свечу не просто задуло струей воздуха, она была погашена какой-то силой. Фитиль был буквально вдавлен в воск, он был расплюснут таким образом, как если бы его сильно прижали каким-то гладким и тяжелым инструментом.

Шортхауз никогда не мог толком понять, как его попутчице удалось настолько быстро побороть в себе страх. Однако в результате его восхищение силой её самообладания усилилось десятикратно, и в то же самое время это поддержало в нем уже гаснущий огонь веры в себя, - за что он ей был, бесспорно, благодарен. В равной степени необъяснимой для него осталась и очевидность приложения какой-то внешней физической силы к свече, чему они стали свидетелями. В одно мгновение он прокрутил в голове множество историй о медиумах, способ-

ных усилием мысли оказывать воздействие на физические объекты, вспомнил он и опасностях этого феномена, называемого телекинез, о которых ему довелось слышать. В том случае, если эти истории были правдой, а также, если его тетя или же он сам неосознанно проявили способность к телекинезу, это означало, что им каким-то образом удалось сфокусировать таинственные силы заколдованного дома до предела заряженного мистической энергией еще до того, как они пришли сюда. Тогда получалось, что разгуливать внутри него было все равно, что ходить с открытой керосиновой лампой по пороховому погребу.

Подумав обо всем этом, насколько такое могла позволить подобная ситуация, он снова зажег свечу и пошел на следующий этаж. Рука, которую он сжимал в своей ладони, дрожала, - это правда, и поступь его была далеко не такой уверенной, как в самом начале, но, тем не менее, они не собирались сдаваться. После того, как осмотр следующего этажа не привел ни к чему, они добрались до последнего лестничного пролета, а по нему поднялись на самый последний этаж.

Здесь они обнаружили прекрасно спроектированную систему небольших комнат для прислуги. В этих комнатах стояла сломанная мебель, грязные плетеные кресла, комоды, треснувшие зеркала и обветшалые кровати. Потолки в них были скошенными, а с потолков уже кое-где свисали вниз гроздь паутин. Окошки в комнатах были маленькими, а стены плохо побелены. Заброшенная нежилая зона, которая оставляла гнетущее и мрачное впечатление, поэтому они были рады радешеньки поскорее оттуда уйти.

Когда они входили в небольшую комнату на третьем этаже, примыкающую вплотную к самой верхней лестничной площадке, часы как раз пробили полночь. Там они решили расположиться поудобней, и немного отдохнуть перед тем, как приступить к заключительной части обхода. В этой комнате абсолютно не было никакой мебели. Да её и комнатой то назвать можно было только с большой натяжкой. Скорее всего, это помещение использовали как гардеробную. Именно сюда разъяренный конюх загнал свою жертву, где её и схватил. За её дверью, на другой стороне узкой лестничной площадки стояла лестница, ведущая на этаж выше, в комнаты для прислуги, где они только что побывали.

Несмотря на ночную прохладу, в самом воздухе внутри комнаты было нечто неуловимое, из-за чего невероятно сильно хотелось, чтобы кто-нибудь открыл окно. Впрочем, здесь было кое-что и еще. Шортхауз смог об этом рассказать только то, что он ощущал себя здесь в меньшей степени способным владеть собой, чем в какой-либо другой части этого дома. Что-то здесь присутствовало и это что-то непосредственно действовало на нервы, изнуряло, изматывало и лишало воли. Осознание этого присутствия к нему пришло, не пробыл он там и пяти минут, а еще через некоторое время он начал испытывать полное истощение жизненных сил, что для него стало наиболее жутким переживанием за всё их посещение этого заброшенного дома.

Оставив дверь немного приоткрытой, они расположили свечу на основании стенного шкафа, теперь яркое пламя их не слепило, а по потолку и стенам не ползали жуткие тени. Следующим делом они постелили на полу плащ и сели на него переждать, прислонившись спинами к стене.

Шортхауз находился в двух футах от двери, выходящей на лестничную площадку. Со своей позиции он имел хороший обзор главной лестницы, спускающейся в темноту, а также видел несколько ступенек «лестницы для слуг», ведущей на этаж выше. Тяжелая трость лежала возле него, до неё он мог легко дотянуться рукой.

Высоко над домом висела луна. Сквозь открытое окно они видели ласковые звезды, похожие на дружелюбных стражей, охраняющих небо. Удар за ударом отсчитывали полночь часы на городской башне, а когда монотонные звуки стихли, гнетущая тишина безветренной ночи поглотила всё вокруг. И лишь только морской прибой, далекий и печальный, наполнял ночной воздух глухим рокотом.

Внутри самого дома тишина становилась невыносимой, отвратительной, так он думал, потому что в любое мгновение она могла быть нарушена звуками, предвещающими беду. Напряжение ожидания всё больше и с каждым разом всё более значительно сказывалось на нервах. Когда им нужно было о чем-нибудь поговорить, они говорили только шепотом, поскольку, когда они говорили громко, их голоса звучали очень неестественно и странно. Прохлада, не совсем обязанная своим появлением ночи, заполнила комнату и заставила их мерзнуть. Влияние какой-то потусторонней силы, чем бы это ни было, постепенно лишало их уверенности в себе и способности на решительные действия. Их силы были на исходе, тогда как реальная угроза надвигающейся опасности приобрела какое-то новое и вместе с тем жуткое значение. Он начал сильно беспокоиться за пожилую женщину, находящуюся рядом с ним, чья отвага и смелость вряд ли могла быть безграничной и вряд ли могла уберечь её от всех кошмаров ночи.

Он слышал, как кровь гудела в жилах. Временами этот гул становился настолько громким, что мешал точно распознать другие звуки, которые робко начинали напоминать о себе, доносясь откуда-то из потаенных глубин дома. Однако в то мгновение, когда он пытался сосредоточить свое внимание на этих звуках, они внезапно пропадали. Определенно, они становились всё ближе и ближе. При этом он никак не мог избавиться от мысли о том, что где-то на нижних этажах дома что-то происходит. Гостиная, где двери так странно с того ни с сего захлопнулись вроде бы была совсем рядом, тем не менее эти звуки шли откуда-то издалека. Он начал думать, что они доносятся с кухни, кишасей черными тараканами, потом ему начало казаться, что он слышит их с унылой и мрачной посудомоечной, но потом он как-то понял, что они никак не могут идти оттуда. Теперь у него уже не было никаких сомнений в том, что эти звуки не могли возникнуть где-нибудь за пределами дома.

Внезапно догадка осенила его, и в то же мгновение он почувствовал, как кровь застыла в венах и превратилась в лёд.

Звуки слышались отнюдь не с нижних этажей, они раздавались сверху. Ну, конечно! Они исходили откуда-то из этих жутких клетушек для слуг с низкими потолками и маленькими окошками, заваленных сломанной мебелью и всяким хламом. Да, да, именно сверху, оттуда, где жертву сначала схватили, а потом сбросили вниз.

И в тот же момент, когда он понял, откуда появились звуки, он начал слышать их более отчетливо. Это был шорох крадущихся шагов, кто-то тайком пробирался по коридору у них над головой, заходил в пустые комнаты и выходил из них, осторожно огибая останки мебели.

Он быстро обернулся, чтобы украдкой бросить взгляд на неподвижную фигуру, сидящую рядом с ним, пытаясь узнать по поведению тетушки, слышит ли она то, что слышит он. Еле живое пламя свечи пробивалось сквозь узкую щелку неприкрытой двери стенного шкафа. Призрачный свет, проходя сквозь её лицо, делал его ярким и контрастным, и при этом оставлял четкий силуэт на белой как снег стене. Впрочем, было в её выражении что-то, что заставило его затаить дыхание, а потом еще более внимательно посмотреть снова. Что-то чрезвычайно необычное, легло, словно темной вуалью, а потом, плавно обтекая черты, изменило её облик подобно маске. Он видел перед собой совершенно юное личико, почти детское, и единственное, благодаря чему он мог узнать, кому оно принадлежит – это были её глаза, до боли знакомые.

В безмолвном изумлении он уставился на неё – это было изумление готовое вот-вот перейти в ужас. Да, действительно, перед ним было лицо его тетушки, но таким оно должно было быть сорок лет назад. Ведь сейчас он видел перед собой беззаботное лицо невинной девушки. Раньше ему доводилось слышать о странной способности страха совершенно избавлять человека от тяжкого груза переживаний прошлых лет и начисто стирать с человеческого лица следы проявления всех эмоций. Только он никогда не думал, что такое действительно возможно или будет означать что-либо в буквальном смысле пугающее как то, что он видел сейчас. Дабы жуткую печать преодоления страха невозможно было не заметить на девичьем

лице, совершенно отрешенном и безучастном, какое он видел сейчас подле себя. А когда, почувствовав на себе его взгляд, она повернула голову, чтобы посмотреть на него, он инстинктивно зажмурил глаза лишь бы только её не видеть.

Правда, когда через мгновение, хорошенько взяв себя в руки, он снова посмотрел на неё, к своему глубокому облегчению, он увидел на её лице совсем другое выражение. Его тетушка улыбалась, и, не смотря на то, что казалась она смертельно-бледной, кошмарная маска исчезла и теперь перед ним была вся та же его родная тетя, как и всегда.

- Что-нибудь не так? – было единственным, о чем он смог подумать и спросить в тот момент. Последовал убедительный ответ, именно тот, который и стоило ожидать от женщины с таким характером.

- Мне холодно, а еще... мне немножко страшно, - тихонько прошептала она.

Он предложил закрыть окно и уже хотел встать, чтобы его закрыть, но она тут же схватила его за руку и попросила не оставлять её даже на одно мгновение.

- Там кто-то ходит наверху, я знаю, - шептала она, совершенно неуместно прыснув со смеху. – Только я совершенно не в силах подняться.

Однако Шортхауз думал совершенно иначе, он знал, что в данной ситуации им лучше всего полагаться на умение держать себя в руках.

Он достал фляжку и налил стопку чистого спирта, достаточно крепкого для того, чтобы поддержать любого человека в трудную минуту. Она залпом выпила содержимое, слегка при этом вздрогнув. Единственное, что его беспокоило сейчас, это как побыстрее выбраться из проклятого дома, пока тетушка совсем не лишилась чувств. Но такое вряд ли удастся, если просто броситься напролом вниз по лестнице, которая сейчас, вероятней всего, находится под контролем злых демонов. Бездействие становилось смерти подобным. С каждой секундой он всё больше терял самообладание. От него требовалось принять отчаянные меры и дать врагу решительный отпор, пусть знают почем фунт лиха, тянуть дальше было нельзя. Причем, предстояла серьезная схватка с демонами, её невозможно было избежать. В таких случаях, если развязка неминуема, нужно смело вступать с врагами в бой. Сейчас он чувствовал себя полным мужества для этого, но стоит потерять еще десять минут, и у него не останется сил защитить самого себя, не то что обоих!

Тем временем наверху звуки шагов, сопровождаемые поскрипыванием рассыхающихся досок, становились всё громче, казалось, что они приближаются. Кто-то явно там присутствовал и при этом очень хотел остаться незамеченным, ходил туда-сюда, то и дело неуклюже натыкаясь на старую обветшалую мебель.

Подождав немного, пока значительная доза спирта не начала действовать, и при этом, хорошо зная, что в зависимости от обстоятельств это действие продлится не очень долго, Шортхауз потихоньку поднялся и произнес решительным голосом:

- Ну, а теперь, тетушка Джулия, нам нужно подняться наверх и выяснить, откуда берется это шум. Вы тоже должны пойти со мной. Так мы договаривались.

Он поднял с пола трость и сделал шаг вперед, чтобы забрать свечу с основания стенного шкафа. Обмякшая форма, тяжело дыша и пошатываясь, выросла рядом с ним, потом его слух уловил едва живой голос, который произнес что-то вроде похожее на - «... ладно, пошли». Храбрость и стойкость тетушки поражали его. Она была куда смелее его. А по мере того, как они продвигались вперед, держа высоко капающую свечу, какая-то часть внутренней силы этой трепещущей, побелевшей от ужаса пожилой женщины передавалась ему, и это служило для него истинным источником вдохновения. В этом действительно было что-то великое, что пристыдило его и дало ему силы, без которых он вряд ли бы смог отважиться на подобный поступок.

Они прошли по тёмной лестничной площадке, стараясь не смотреть вниз через перила лестницы в пугающую черную бездну. Затем они начали подниматься вверх по узенькой лест-

ничке навстречу странным звукам, которые с каждой минутой становились всё громче и ближе. Когда они уже преодолели половину лестницы, тетушка Джулия неожиданно споткнулась, из-за чего Шортхаузу потребовалось приложить немало усилий, чтобы вовремя поймать её за руку и не дать упасть. Вдруг, как раз в этот момент, наверху в коридоре, соединяющем комнаты для прислуги, раздался оглушительный грохот. Вслед за этим в тоже мгновение последовал душераздирающий вопль, в котором неописуемый ужас и крик о помощи слились в единое целое.

Не успели они отойти в сторону или спуститься вниз, хотя бы на одну ступеньку, как кто-то пронёсся над ними по коридору, словно сумасшедший, потом со всего маху, сослепу натыкаясь на всё, что попадалось ему на пути, бросился вниз по той самой лестнице, где они стояли, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Ступеньки выглядели непрочными и ненадежными, но, не смотря на это, почти сразу возле себя они явственно слышали, как кто-то тяжело топая, пробежал вниз по лестнице, и при этом лестница чуть ли не ходуном ходила.

Едва Шортхауз и его тетя успели вплотную прижаться спинами к стене, как ступеньки вверху над ними начали буквально плясать, а потом вниз на бешеной скорости бросились двое, сначала один, а через долю секунды второй. Это был настоящий вихрь звуков, нарушивший полночное безмолвие заброшенного дома.

Два человека, преследователь и его жертва буквально пронеслись сквозь них, а они так ничего и не успели понять, как стояли, так и остались стоять, разинув рты. А потом уже внизу они слышали глухой стук по деревянным ступенькам, будто сначала пробежал один, а за ним следом второй. В то же самое время они абсолютно ничего не видели – ни рук, ни ног, ни лиц, ни какого-либо клочка развевающейся одежды.

Наступило секундное затишье. Потом первый, он был легче, по всей очевидности это была жертва, неуверенной поступью пробежал вниз и скрылся именно в той маленькой комнатенке, в которой совсем недавно были Шортхауз и его тетушка. Тот, который был грузнее, последовал туда же. Раздались омерзительные звуки борьбы, будто кто-то кого-то пытался задушить, а тот или та, сопротивлялся изо всей мочи. Вслед за этим послышались приглушенные крики, а потом, тяжело ступая, на лестничную площадку вышел всего один человек.

Наступила мертвая тишина, которая не успела продержаться и минуты. После чего их слух прорезал звук стремительного падения тяжелого предмета вниз. Затем, в самой глубине дома, раздался сокрушительной силы удар о каменный пол вестибюля.

После этого воцарилось полное безмолвие. Всё словно замерло. Пламя свечи стояло неподвижно. Оно оставалось непоколебимым всё время, и воздух оставался неподвижным и спокойным, и ничто не могло потревожить незыблемый покой. Парализованная ужасом, тетушка Джулия, не дожидаясь своего племянника, начала искать наощупь путь вниз по лестнице. Она тихонько плакала, едва способная себя сдержать, а когда Шортхауз взял её под руку и чуть ли не силой потащил вниз, она дрожала от страха, как осиновый лист на ветру. Он зашел в маленькую гардеробную этажом ниже и поднял с пола плащ, а потом снова взял её под руку. После чего очень тихо, не произнося ни слова и, даже не взглянув друг на друга, они преодолели три лестничных пролета и оказались в вестибюле.

В вестибюле они ничего необычного не заметили, но тем не менее, весь свой путь вниз по лестнице они ощущали, будто кто-то преследует их. Кто-то неизменно шел за ними по пятам. Когда они ускоряли шаг, кто-то буквально гнался за ними, а когда они замедляли шаг, он их настигал. Но никто из них ни разу не оглянулся. При этом на каждом повороте лестницы они от страха всё ниже и ниже опускали глаза, чувствуя леденящий душу ужас от того, что не ровен час, они посмотрят наверх и увидят того, кто находится выше их на лестнице.

Трясущимися руками Шортхауз открыл входную дверь. Затем они вышли из дома на заливающую лунным светом улицу и жадно вздохнули полной грудью прохладного ночного воздуха, того что веет с моря.

Остров призраков

Эта история произошла на одном из маленьких островков, лежащем в некотором отдалении на одном из крупных Канадских озер, к прохладным водам которого в летние жаркие месяцы так спешат жители Монреаля и Торонто, мечтая о прекрасном отдыхе. Единственное, о чем можно пожалеть так это о том, что эти события, представляющие особый интерес для истинного исследователя паранормальных явлений, остались без должного свидетельского подтверждения. Однако, к сожалению, именно так обстоят дела.

Наша компания человек из двадцати возвращалась в Монреаль, а я оставался на острове в гордом одиночестве, примерно, на недельку, а может быть и на две для того, чтобы закончить с подготовкой по некоторым важным юридическим дисциплинам, которые я по глупости совершенно запустил за лето.

Стоял поздний сентябрь, то самое время, когда огромная форель и щука-маскинонг просыпаются в глубинах озера, а потом медленно начинают подниматься к поверхности, когда с севера начинают дуть ветры и наступают первые холода. Уже клены покрылись багрянцем и облачились в золото, а дикий хохот черноклювых гагар отзывался эхом в уединенных бухтах, которые слухом не слыхивали их странного крика летом.

Имея в своем полном распоряжении целый остров, двухэтажный коттедж, каноэ, из соседей только бурундуков, а потревожить может только местный фермер, который всего лишь один раз в неделю заглядывает, привозит хлеб и яйца, – о лучших условиях для углубленной подготовки к экзаменам можно даже и не мечтать. Впрочем, человек предполагает, а Бог располагает!

Вся компания отчалила домой, напоследок неоднократно предупредив меня остерегаться индейцев и не задерживаться здесь долго, чтобы не стать жертвой морозов, которые в этих местах нередко бывают за сорок ниже нуля. После того, как они уехали, как ни крути, а чувство одиночества стало ощущаться заметно. Поскольку в радиусе шести или семи миль никаких других островов не было и, не смотря на то, что лесная чаща лежала в паре миль за моей спиной, она простиралась на очень большое расстояние, причем без каких-либо следов человеческого проживания. Однако, хотя этот остров и был абсолютно необитаемым и тихим, утесы и лес, отражавшие эхом человеческие голоса и смех на протяжении всех двух месяцев нашего здесь пребывания, так и не смогли окончательно забыть о моих друзьях; поэтому меня несколько не удивляло, когда, перебираясь от утеса к утесу, мне чудился то громкий крик, то возглас, при этом далеко не один раз мне казалось, будто я слышу, как кто-то громко зовет меня по имени.

В коттедже было шесть крохотных спаленок, отделенных друг от друга обычными сосновыми досками с необработанными торцами, к тому же еще и некрашеными. Кровать, матрас и стул находились в каждой из такой комнат. Правда, зеркал мне удалось найти только два, да и то одно из них оказалось разбитым.

Пол сильно заскрипел под ногами, когда я туда вошел, а следы присутствия людей были настолько заметны, что мне с трудом удалось, в конце концов, осознать то, что я действительно здесь совершенно один. Почему-то я все равно смутно надеялся кого-нибудь там встретить, а вместе с тем изо всех сил старался натаскать в хибару как можно больше из своих вещей, чем тот способен был вместить. Дверь в одну из комнат была до того неподатливой, что некоторое время ни в какую не хотела открываться. Поэтому мне не потребовалось прилагать особых усилий для того, чтобы представить, будто сейчас кто-то стоит с другой стороны двери и крепко держится за её ручку. Откуда-то у меня появилось твердое убеждение в том, что когда дверь откроется, я точно встречу его взгляд глаза в глаза.

В результате тщательного осмотра второго этажа, я решил выбрать в качестве помещения для сна маленькую комнатку с балконом, напоминающим кукольный, пристроенном на крыше над верандой. Эта комнатёнка была совсем крохотная, но зато кровать в ней была большой, да и матрас, пожалуй, самый лучший из всех в доме. Она была расположена сразу над гостиной, где я собирался проводить свои дневные часы и заниматься подготовкой к экзаменам, а из её миниатюрного окошечка открывался вид на восходящее солнце. За исключением узкой тропинки, ведущей от входной двери и веранды до пирса, весь остров был покрыт густым лесом из кленов, канадских елей и кедров. Деревья настолько плотно обступали коттедж, что при малейшем ветре они царапали ветками крышу и стучали ими по деревянным стенам. Почти сразу после заката наступала непроглядная темень, да такая, что в десяти ярдах за освещенной лампами области, появляющийся под окнами гостиной, которых в доме было четыре, невозможно было увидеть дальше, чем на дюйм дальше своего носа. Также как невозможно было сделать в сторону хотя бы один шаг без того, чтобы не наткнуться на какое-нибудь дерево.

Остаток этого дня ушел у меня на перетаскивание вещей из палатки в гостиную, переучет припасов в кладовой, к тому же я еще нарубил достаточно дров для печи, чтобы можно было прожить неделю. После этого перед закатом, ради предосторожности, я несколько раз обошел остров на своем каноэ. Раньше мне даже и присниться не могло, что придется заниматься чем-либо подобным, но когда человек остается один, он вынужден делать то, чего никогда бы не пришло ему в голову, будь он с большой компанией.

Каким же одиноким мне показался остров, когда я снова причалил к пирсу! Солнце уже спряталось за деревья, при этом сумерки были в этом северном регионе совсем не такие, как у нас. Здесь тьма наваливалась сразу. Вытащив каноэ из воды на безопасное расстояние и перевернув его вверх дном, я наощупь стал пробираться по узенькой дорожке в сторону веранды. Вскоре уже все шесть ламп весело горели в гостиной. Правда, на кухне, где я ужинал, было настолько темно и мрачно, а лампа вообще из ряда вон, настолько слабой, что через щели между балок в деревянной кровле можно было видеть звезды.

В эту ночь я лег спать рано. Не смотря на то, что было тихо и безветренно, скрип моей кровати вместе с мелодичным журчанием воды у утесов внизу на берегу острова были не единственными звуками, способными достичь моих ушей. Пока я лежал и ворочался в постели, потрясающая до жути пустота дома начала давить со всех сторон на меня. Коридоры и свободные комнаты, словно отражали эхом бесчисленные шаги, бесконечное шарканье ног, шелест юбок и несмолкающий приглушенный шепот. Когда же сон, в конце концов, меня одолел, вздохи и шорохи, так или иначе, проникали в мое сознание, ненавязчиво смешиваясь со звуками из моих снов.

Неделя пролетела незаметно, и за это время я значительно продвинулся в своей подготовке. На десятый день моего затворничества произошла одна весьма странная вещь. Проснувшись после ночи крепкого сна, я вдруг ощутил, что мной овладела какая-то ярко выраженная неприязнь по отношению к моей комнате. Внезапно я почувствовал, что мне не хватает воздуха. И чем настойчивей я пытался найти причину этой антипатии, тем более необоснованной она мне казалась. Что-то было в самой этой комнате, что вызвало у меня такое к ней нерасположение. Какой бы глупостью это не показалось со стороны, но, пока я одевался, это неприятное состояние не давало мне покоя, причем не один раз я поймал себя на том, что мне ни с того ни с сего вдруг становится жутко и кидает в дрожь. А потом я почувствовал непреодолимое желание поскорей выбраться оттуда. И чем больше я пытался рассеять это необъяснимое ощущение жути, тем сильнее оно начинало мной овладевать. А когда я, в конце концов, оделся и вышел в коридор, а потом по лестнице спустился вниз и прошел на кухню, меня охватило чувство невероятного облегчения. Такие впечатления, на мой взгляд, возникают у человека, когда он уберется подальше от очага очень заразной болезни.

Занимаясь приготовлением завтрака, я тщательно прокрутил в голове все ночи, проведенные в этой комнате, надеясь на то, что смогу связать ту странную неприязнь, которую я испытал, с каким-нибудь неприятным инцидентом, произошедшим в ней. Только как бы я ни старался, единственное, что мне удалось вспомнить, так это сильную грозу ночью, тогда я внезапно проснулся и услышал скрип досок деревянного пола, которые до того громко запели в коридоре, что я решил, будто в доме кто-то есть кроме меня. Ощущение присутствия постороннего было настолько сильным, что я даже спустился вниз по лестнице, держа винтовку наперевес. Ну, а когда я всё проверил, то оказалось, что все двери и окна крепко закрыты, а по полу туда-сюда шмыгают мыши и при виде меня черные тараканы бросаются врассыпную в разные стороны. Определенно, этого было явно не достаточно для объяснения тех сильных эмоций, которые обуревали меня в данный момент.

Утренние часы я провел за упорным чтением. А когда в середине дня я решил прерваться для того, чтобы пойти искупаться и пообедать, то был очень удивлен, если не сказать, обеспокоен тем, что пришлось признать тот факт, что моя нелюбовь к этой спальне наверху не только не прошла, но и наоборот стала еще сильнее. Поднявшись наверх для того, чтобы взять нужную книгу, я совершенно не хотел переступить порог этой комнаты, будто кто-то пытался меня от этого удержать, кроме того, оказавшись внутри комнаты, я всё время чувствовал себя неуютно, при этом неизвестно откуда появившееся чувство тревоги в компании с дурным предчувствием меня не покидали. В результате, вместо того, чтобы заниматься подготовкой к экзаменам, я провел послеобеденные часы на реке, плавая по озеру на каноэ и рыбача. Когда же вечером перед закатом солнца я вернулся домой, то принес домой улов с полдюжины восхитительных черных окуньков, часть из которых я оставил себе на ужин, а другие спрятал в кладовке.

Поскольку сон для меня сейчас был как никогда важен, я решил, если выходит так, что моя антипатия по отношению к этой комнате при моей повторной попытке туда войти стала сильнее, чем была прежде, то лучшим вариантом для меня будет перенести свою постель в гостиную, там и спать ночью. Это было, как я пытался себя убедить, ни в коей мере не потакание глупой прихоти и надуманным страхам, а принятие должных мер предосторожности с целью надежно обеспечить себя здоровым ночным сном. Ночь без сна влекла за собой потерю целого дня, который в противном случае я мог с успехом потратить на подготовку, поэтому терпеть такой ущерб я не собирался.

Таким образом, я собрался и перетащил свою постель вниз, где стояла кровать у окна в углу гостиной у противоположной стены по отношению к двери. И мало того был необычайно рад, когда закончил с этим возиться, а дверь спальни захлопнулась за моей спиной, не давая вырваться наружу жути и мраку вместе с теми самыми демонами, которые облюбовали эту комнату.

Настенные часы на кухне прохрипели восемь ударов. К этому времени я как раз закончил мыть посуду и, закрыв кухонную дверь за своей спиной, прошел в гостиную. Все лампы в комнате ярко горели, а их светоотражатели, для которых в течение этого дня я нашел время, чтобы натереть до блеска, усиливали их свечение, наполняя комнату сверкающим сиянием.

Вечер застыл за окном тихий и теплый. Ни единого дуновения ветерка, всё словно умерло. Шум волн с озера не доносился, деревья стояли неподвижными, а густые облака висели подобно тяжелой занавеси, спускающейся с небес. Тьма, появившаяся как бы совершенно неожиданно, надвигалась с необычной стремительностью, не оставляя даже слабого отблеска заката, также как и возможности узнать куда спряталось солнце. В воздухе установилась то самое зловещее и гнетущее затишье, которое так часто предшествует самой жестокой буре.

Я уселся за учебники с необычайно ясной головой, в душе испытывая приятное удовлетворение, оттого что точно знал, — все мои пять окуней лежат сейчас в холодильнике, а завтра

утром приедет старик фермер и привезет мне хлеб и яйца. И вот уже вскоре я с головой ушел в свои книги.

По мере того, как вечер вступал в свои права, тишина становилась все глубже. Даже мои приятели бурундуки, и те куда-то спрятались. Кроме того доски на полу и деревянные стены тоже перестали скрипеть. Я углубился в чтение и просидел за учебниками вплоть до тех пор, пока из мрачных недр кухни не послышался хриплый бой часов, чеканящих девять. Какими же громкими показались мне эти удары! Они было словно удары огромного молота по наковальне. Я закрыл одну книгу и открыл другую, чувствуя, что только размялся для своей дальнейшей работы.

Однако это продолжалось недолго. Вскоре я обнаружил, что одни и те же абзацы я перечитываю по два раза, несложные абзацы, которые совсем не требовали таких усилий. Затем я заметил, что мои мысли где-то блуждают, а попытка их собрать в кучу мне с каждым разом дается всё труднее. В ту же самую секунду способность сосредотачиваться на каком-либо объекте начала заметно ослабевать. Некоторое время спустя я обнаружил, что перевернул две страницы вместо одной, и при этом не заметил своей ошибки до тех пор, пока почти полностью не прочитал ненужную страницу. Это уже начинало серьезно меня беспокоить. Что оказывает на меня это негативное влияние? Ни в коем случае это не могло быть физической усталостью. Как раз наоборот, я чувствовал, что мой мозг находился в необычайно активном состоянии, к тому же в тот момент он был более восприимчив, чем бывал обычно. Я снова попытался сконцентрировать свое внимание и начать читать, и в результате на короткий промежуток времени мне всё-таки удалось целиком сосредоточиться на предмете. Но уже через несколько секунд я вдруг поймал себя на том, что опять сижу, откинувшись на спинку стула, и смотрю бездумно куда-то в пустоту.

Что-то, несомненно, оказывало влияние на моё подсознание. Наверняка я что-то забыл проверить. Может быть, я забыл закрыть кухонную дверь и окна. Я пошел проверить, и обнаружил, что дверь и окна закрыты, как положено! Может быть, нужно подложить дров. Я пошел посмотреть, и оказалось всё нормально с огнем! Я проверил лампы, поднялся по лестнице вверх, зашел по очереди в каждую из спален, а затем обошел весь дом, при этом, не забыв заглянуть в ледник-холодильник. Ничего я так и не нашел. Всё было в полном порядке и на своем месте. И в то же время, всё равно, что-то было не так! В глубине моей души убежденность в этом становилась всё сильнее и сильнее.

Когда же я, наконец, сел опять за свои учебники и попытался читать, я вдруг понял, что в комнате стало довольно прохладно. Это не смотря на то, что весь день стояла невыносимая жара, а вечер не принес каких-либо изменений в лучшую сторону. Кроме того, шесть больших ламп должны были давать достаточно тепла для того, чтобы в комнате было уютно. Только все равно чувствовался холодок, который, скорее всего, шел откуда-то с озера, и это заставило меня пойти и проверить, закрыта ли стеклянная дверь на веранде.

Какое-то время я стоял и смотрел на луч света, который падал из окон на тропинку, освещая её вниз до самого озера, и еще умудрялся охватить своим ореолом несколько футов на поверхности озера.

Стою я смотрю, вдруг вижу, каноэ плавно скользит по направлению к дорожке света, возникшей на поверхности воды, а потом в одно мгновение её пересекает и снова пропадает из вида в темноте. Всё это происходило, примерно, в сотни футов от берега, причем каноэ двигалось очень стремительно.

Меня удивило то, как это каноэ могло появиться возле острова ночью, потому что все отдыхающие, прибывшие сюда с другой стороны озера, уехали домой пару недель назад. К тому же остров находился в достаточном отдалении от линии движения водного транспорта.

С того самого момента в своем чтении я перестал продвигаться хотя бы на йоту, поскольку как бы я ни старался сосредоточиться на тексте, тут же перед глазами возникал

образ каноэ стремительно и бесшумно скользящего в ночи через узкую дорожку света на черной водной глади. Его силуэт, запечатленный в глубинах моей памяти, проявлялся с необычайной яркостью. Я смотрю на страницу, а он тут же возникает перед моими глазами. Чем больше я нем думал, тем более странным мне начинало казаться его появление. Его корпус был гораздо крупнее тех каноэ, которые мне доводилось видеть в течение минувших летних месяцев. Кроме того оно больше походило на древнее индейское военное каноэ с высокими загнутыми носами, прочным и широким корпусом. Теперь, как бы я не пытался что-нибудь прочесть, получалось это у меня всё меньше и меньше. В конце концов, я закрыл свои книги и вышел на веранду, походить туда-сюда, косточки поразмять, чтобы согреться.

Ночь стояла удивительно спокойная, да еще к тому же такая темная, что хоть глаз выколи. Я, спотыкаясь, поплелся к маленькому пирсу на берегу, где вода едва слышно журчала, оmyвая сваи под деревянным настилом. Звук падающего дерева в лесной чаще на том берегу взбудоражил эхом тяжелый воздух над озером, подобно первому выстрелу, извещающему о начале ночной дальнoбойной атаки. За этим не последовало никаких иных попыток нарушить безмятежность, владычествующую над этим забытым Богом уголком земли.

Пока я стоял в широком разливе света, падающем из окон гостиной и преследующем меня по пятам, я заметил другое каноэ. Оно пересекло световую дорожку, колеблющуюся на поверхности воды, и исчезло в непроглядной темени, лежащей за её пределами. На это раз мне удалось разглядеть его куда более отчетливо, чем прежде. Как и то, которое я уже видел, это было большое берестяное каноэ с высокими изогнутыми носами, мощным и широким корпусом. На нем было два гребца индейца. Тот, который был на корме – рулевой, выглядел очень крупным и здоровым. Я всё подмечал очень хорошо. И хотя это второе каноэ находилось по отношению ко мне гораздо ближе, чем первое, я решил, что они оба направляются к себе восwoяси, в свою резервацию, выделенную им правительством, которая находилась в пятнадцати милях отсюда.

Когда третье каноэ точь-в-точь такое же как и первые два, в котором также как и во втором сидело два индейца, беззвучно проскользило по водной глади, пересекая дорожку света, уходящую далеко за пирс, я никак не мог понять, что могло заставить каких-то там индейцев тащиться в эту часть озера среди ночи. На этот раз оно намного ближе подошло к берегу. И вдруг меня озарила догадка, а что если эти три каноэ на самом деле одно и то же каноэ! То есть получается, это то самое, единственное каноэ, которое делает круг за кругом вокруг острова!

Эта мысль была ни в коей мере не самая отрадная. Потому что если я попал в точку и нашел верную разгадку необычного появления трех каноэ в этой отдаленной части озера в столь поздний час, то намерения этих двух индейцев, должны были, так или иначе, касаться меня. Никогда не слышал, чтобы индейцы предпринимали попытку напасть на поселенцев, разделивших с ними дикие и недружелюбные территории. В то же самое время возможность предположить что-нибудь в этом духе не выходила за пределы вероятности.... Но тогда я даже и не думал о подобных жутких перспективах. В то время как мое воображение пыталось незамедлительно найти утешение в любых вариантах решения проблемы, которые только могли прийти мне в голову, но не преуспели по части саморекомендации в отношении соответствия моим интересам.

Тем временем, руководствуясь инстинктом, я отступил назад из освещенного участка, где до этого находился, и приготовился ждать под прикрытием густой тени утеса, стараясь не упустить, когда каноэ снова появится. Отсюда, оставаясь незамеченным, я мог видеть всё, а должная предосторожность сейчас мне казалась весьма разумной.

Менее чем через пять минут, как я и предполагал, каноэ появилось в четвертый раз. Сейчас оно проходило на расстоянии ближе двадцати ярдов от пирса, причем я понял так, что индейцы собираются высадиться на берег. Я узнал их, это были те же самые индейцы, которых я видел раньше, а их рулевой, определенно, был настоящим гигантом. Яснее ясного, это было

одно и то же каноэ. Больше не могло быть никаких сомнений в том, что эти ребята с какой-то целью ходили кругами вокруг острова некоторое время, по всей видимости, поджидая, когда им представится возможность высадиться на берег. Я начал всматриваться в темноту, пытаюсь проследить их путь следования, но ночь полностью скрывала их от моих глаз, и поэтому я не мог слышать даже тишайшего всплеска, пока индейцы усердно орудовали веслами и делали длинные и мощные гребки. Через несколько мгновений каноэ снова обошло вокруг острова, и на этот раз нужно было ожидать, что индейцы будут высаживаться. Всё было к этому готово. Я ничего не знал об их намерениях, однако двое против одного (здесь под двумя следует понимать двух здоровенных индейцев!) поздней ночью на безлюдном острове, ситуация, которая точно не соответствовала моему представлению о позитивном межнациональном общении.

В углу гостиной, у стены в глубине комнаты стояла моя охотничья винтовка Марлин² с магазином на десять патронов, причем один из этих патронов уже лежал, удобно устроившись, в смазанном оружейном масле патроннике. Времени как раз оставалось на то, чтобы добежать до дома и занять оборонительную позицию в том углу, где стояла винтовка. Ни секунды не раздумывая я рванул в сторону веранды, осторожно пробираясь между деревьев так чтобы не попадать на участки освещенные светом. Зайдя в комнату, я первым делом закрыл за собой дверь, ведущую на веранду, а потом настолько быстро, насколько это было возможно, выключил все до одной шесть ламп. Находиться в комнате освещенной таким ярким светом, где каждое мое движение видно с улицы как на ладони, при всем при том, что я из любого окна ничегошеньки не вижу кроме непроглядной тьмы, было по всем законам ведения войны совершенно ненужной привилегией, дарованной врагу. А этот враг, если уж на то пошло, был гораздо более коварным и опасным, чтобы еще предоставлять ему такие возможности.

Я стоял в углу комнаты, прижавшись спиной к стене, и сжимал в руках холодный ствол винтовки. Стол, заваленный моими книгами, стоял между мной и дверью, однако первые несколько минут после того, как свет погас, мрак был настолько интенсивным, что вообще ничего не было видно. Затем понемногу очертания предметов в комнате стали более-менее распознаваться, а мои глаза начали видеть в крошечной тьме расплывчатые контуры оконных рам.

Спустя несколько минут дверь (в верхнем секторе у неё была установлена стеклянная вставка) и два окна, выходящие на веранду, стали особенно хорошо распознаваться в темноте. Таким переменам я очень обрадовался, потому что если индейцы решат наведаться в дом, то я смогу их видеть и к тому же буду иметь хоть какое-то представление об их дальнейших планах. Причем здесь я не ошибся, поскольку вскоре до моих ушей донесся своеобразный гулкий звук. Издать такой звук способно было только каноэ, причаливая к берегу, а потом я услышал, как они его осторожно вытянули по гальке на берег. Также мой слух уловил, как они положили весла внутрь каноэ, а значение той тишины, которая установилась после этого, я небезосновательно истолковал, как попытку индейцев бесшумно подобраться к дому....

И хотя было бы глупо заявить, что я не был встревожен, а точнее напуган, с учетом серьезности моего положения и того, чем это всё могло для меня обернуться, я говорю сухую правду, когда утверждаю, что за себя я особенно не боялся. Я прекрасно осознавал, что именно в этот ночной час я вошел в такое психическое состояние, в котором мои органы чувств обрели способность экстрасенсорного восприятия. Физический страх никогда в жизни не затрагивал природу моих чувств, и, хотя большую часть этой ночи я крепко сжимал в руках винтовку, я всё время знал, что она вряд ли будет способна защитить меня от того кошмара, с которым мне вероятно придется столкнуться. Далеко не единожды мне казалось, что у меня возникает

² Marlin Firearms Co. — американская оружейная компания, производитель нарезного и гладкоствольного оружия, а также боеприпасов к нему. Marlin Firearms Co. была основана в 1872 году Джоном Марлином. Она производила широкий ассортимент огнестрельного оружия, в том числе винтовки рычажного действия, помповые ружья и однозарядные винтовки и считалась главным конкурентом Winchester.

весьма странное ощущение, будто я на самом деле не участвую в происходящем, а выполняю функцию зрителя, причём, скорее всего зрителя не на физическом уровне, а в психическом плане. Большинство из моих впечатлений в эту ночь были слишком бесформенными и неясными, чтобы их можно было подвергнуть анализу или дать им четкое описание. Однако самое неизгладимое впечатление, которое теперь останется со мной до конца моих дней, на меня произвело внезапное появление чувства необъяснимого ужаса и сопутствующего ему мерзкого понимания того, что если такое напряжение продлится хотя бы на чуточку дольше, чем такое способна выдержать моя психика, то я неизбежно должен буду повредиться рассудком.

А тем временем я всё также продолжал стоять в углу и терпеливо ждать того, что последует дальше. Безмолвный дом застыл, как могила, и лишь только невнятные звуки ночи наполняли мой слух. Мне уже начинало казаться, что я слышу, как кровь течет по моим венам и в ритме какого-то дикого танца бьется мое сердце.

Если индейцы обойдут дом сзади, то они обнаружат, что и кухонная дверь, и окно надежно закрыты. Им не удастся попасть внутрь без того, чтобы не наделать шума, который я неизбежно услышу. Единственный способ, как можно было сюда проникнуть – это через дверь, находящуюся передо мной, и поэтому я прилип к ней глазами, стараясь не отводить их ни на долю секунды.

С каждым мгновением мое зрение всё лучше адаптировалось к темноте. Я увидел стол, который занимал почти всё пространство комнаты, оставляя лишь узкие проходы с каждой стороны. Также я смог различить прямые спинки деревянных стульев, вплотную задвинутых под него. Кроме этого я смог разглядеть мои бумаги, лежащие на белой клеенке покрывающей стол и стоявшую рядом с ними чернильницу. Я вспомнил те веселые лица, которые собирались вокруг этого стола в летние дни, и невыносимо затосковал по солнечному лучику, как впрямь никогда еще не тосковал.

Менее чем в трех шагах слева от меня находилась прихожая, ведущая на кухню, а лестница, которая поднималась вверх и вела в спальни, стояла на стыке прихожей и гостиной. Сквозь окна я видел смутные и неподвижные контуры деревьев. Ни один листочек на них не дрогнет, ни одна веточка на них не шелохнется.

Несколько минут давящей тишины, и мой слух различил звук тихих шагов по деревянному настилу веранды, они казались мне до того едва уловимыми, что у меня возникло впечатление, что это скорее игра моего воображения, а не реакция слухового нерва на услышанное. Тотчас после этого темная фигура заслонила стеклянную дверь, и тогда до меня дошло, что это кто-то лицом прижался к стеклянным вставкам. В то же мгновение озноб пробежал по моей спине, и я почувствовал, как волосы начинают шевелиться и встают дыбом на голове.

Это был индеец, громадный и широкоплечий. И скажу я вам, первый раз в своей жизни я видел такого великана, если не считать цирковой арены. При помощи света, который, похоже, начал вырабатывать мой головной мозг³, я увидел смуглое лицо с резкими чертами лица, с орлиным носом и высокими скулами, распластавшееся по стеклу. Куда он смотрел, я определить не мог, но слабые отблески, появившееся после того, как его огромные глаза начали бегать туда-сюда, демонстрируя белки, ясно дали мне понять, что ни один даже самый скромный уголок комнаты не укроется от такого пронизательного взгляда.

Ссутулив широкие плечи и подавшись немного вперед для того, чтобы голова оказалась как раз на уровне стекла, минут пять, как минимум, черный силуэт нависал над дверью. В то время как за его спиной маячила, высываясь то с одной стороны то с другой, подобно молодому дереву на ветру, хотя совсем и не такая огромная, но все-таки заметная, темная

³ Ученые обнаружили способность мозга млекопитающих вырабатывать свет и обнаружили аналог оптических волокон, по которым передаются трудноуловимые сигналы. Исследователи выяснили, что мозг млекопитающих генерирует слабо уловимый свет в виде фотонов длиной волны от 200 до 1300 нанометров в результате распада некоторых молекул.

фигура другого индейца. Пока я ждал, терзаемый чувством тревоги и беспокойства, каким будет их следующий шаг, меня словно мороз пробрал и по моей спине то вверх, то вниз забегали холодные мурашки. И тогда мое сердце вдруг само перестало биться, а потом застучало снова, но уже с удвоенной силой. В тот момент мне показалось, что они услышали, как колотится мое сердце и этот отчаянный гул крови в моих висках! Более того, чувствуя, как ручеек холодного пота течет вниз по моему лицу, я испытывал непреодолимое желание завизжать, закричать, стукнуть кулаком по стенам, на шуметь, точно как ребенок, или сделать что-нибудь способное разрядить обстановку и привести ситуацию к быстрой развязке.

По всей вероятности именно это желание и привело к тому, что мне удалось выявить еще одну вещь. Это произошло, когда я попытался достать из-за спины винтовку, чтобы наставить её на дверь и приготовиться стрелять. В тот момент я обнаружил, что не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Мои мускулы, парализованные невесть откуда взявшимся страхом, отказывались подчиняться моей воли. Положение, действительно, было катастрофическим!

Послышалось робкое дребезжание латунной ручки, и вслед за ним дверь отворилась на маленькую щелочку в пару дюймов. Всё замерло на несколько секунд, а потом дверь открыли настежь. Без единого звука, способного быть распознанным моим слухом, два темных силуэта просочились в комнату, после чего тот, который заходил последним, осторожно затворил за собой дверь.

Они и я в четырех стенах, и больше никого. Интересно, смогут ли они заметить меня, застывшего как столб, в этом углу? А, может быть, они меня уже увидели? Кровь в моих венах бурлила и кипела, издавая гул подобный раскатам барабанного боя в оркестре. Я изо всех сил старался затаить дыхание, только у меня непроизвольно вырывались звуки похожие на то, как воздух нагнетают мехами.

Мое беспокойство в отношении того, что они предпримут следующим, вскоре понемногу вроде бы утихло... только его место, хотелось мне этого или нет, заняло ранее мне незнакомое, но от этого не менее сильное чувство тревоги. До этого времени индейцы передвигались молча, не обмениваясь ни словом, ни жестом, однако в том случае, если они собирались пройти через комнату, то маршрутов для выбора им предлагалось немного. Поэтому, какой путь они бы не выбрали, им все равно, так или иначе, приходилось обходить стол. При том условии, что им придет в голову, обойти стол с той стороны, где находился я, то они окажутся от меня всего в шести дюймах. Пока я раздумывал над этой неприятной перспективой, я заметил, как тот индеец, который был ниже ростом и более щуплым, неожиданно поднял руку и указал пальцем на потолок. В ответ на это гигантский детина задрал свою голову вверх, а потом пошел туда, куда указывал его попутчик. Вот тогда то, наконец, я и понял, куда они собирались. Они точно самого начала хотели подняться наверх именно в ту комнату над гостиной, где вплоть до этой ночи была моя спальня. Несомненно, это была как раз та комната, где лишь этим утром у меня появилось внезапное чувство необъяснимого ужаса, из-за которого я был вынужден спуститься вниз в гостиную и спать на узкой кровати возле окна.

Всё также, не произнося ни единого слова, индейцы начали обходить стол, причем пошли они как раз с моей стороны. Их передвижение было настолько бесшумным, что, не смотря на обостренную чувствительность своих нервов, я совершенно их не слышал, хотя на самом деле их кошачья поступь должна была быть отчетливо распознаваема. Подобно двум огромным черным котам они, крались, огибая стол, прямо на меня, и тогда я впервые заметил, что тот индеец, который был пониже ростом, волочет за собой что-то по полу. Наблюдая за тем, как он метет этой шуткой по полу, а та издает тихий скрежет, у меня почему-то сложилось впечатление, что он тащит за собой какую-то крупную птицу с распростертыми крыльями или разлапистую ветку кедра. Впрочем, чем бы это ни было, сейчас я был не в состоянии разглядеть даже его очертаний, к тому же я был до того напуган, что едва мог найти в себе силы,

способные подчинить мои собственные мускулы и хотя бы немного повернуть шею в попытке выяснить что это вообще такое.

Они подходили всё ближе и ближе. Тот, который был впереди, оказавшись рядом со столом, положил на него свою гигантскую руку. Мои губы буквально слиплись, а в ноздрях я ощущал жжение. Хотя я и попытался закрыть глаза для того чтобы не видеть их, когда они будут совсем близко, мои веки словно застыли и не хотели мне подчиняться. Неужели они никогда не пройдут мимо меня? Внезапно я почувствовал тяжесть в ногах, и тотчас же они отказались меня слушаться. Теперь мне казалось, будто я стою на каких-то опорах из дерева или камня. А худшее из всего то, что тогда я понял, что вот-вот потеряю равновесие и не смогу не то, что стоять прямо, я не смогу даже облокотиться на стену. Какая-то неведомая сила толкала меня вперед, а потом я вдруг почувствовал головокружение и испугался того, что свалюсь прямо на этих индейцев как раз в тот момент, когда они поравняются со мной.

Даже мгновения, превратившиеся в часы, должны были когда-нибудь кончиться. И не успел я опомниться, как две темные фигуры прошли мимо меня и поставили свои ноги на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей наверх, в спальни. Расстояние между нами было меньше шести дюймов, тем не менее, я смог ощутить только дуновение прохладного ветерка, который их сопровождал. Меня они не задели, и при этом я ни на секунду не сомневался в том, что они меня не видят. Хотя то, что они тянули за собой, и не задело моих ног, тогда как я боялся, что непременно заденет, всего лишь по такому ничтожному поводу как этот, я не знал, как выразить свою благодарность Господу Богу за его милосердие, ибо всякое даяние благо.

Отсутствие индейцев в непосредственной близости принесло мне некоторое облегчение. Я стоял в углу и трясся как осиновый лист и, не смотря на то, что дышать мне стало намного легче, чувствовал я себя ничуть не менее некомфортно. А еще я понял, что призрачный свет, наполнявший комнату без видимого источника, который позволял мне проследить за каждым жестом и движением индейцев, куда-то пропал после того, как они ушли. Чудовищный мрак наполнял сейчас комнату, пропитав собой каждый угол, так что теперь я с трудом мог определить, где находятся окна или стеклянные двери.

Как я уже говорил, по все видимости тогда я находился в измененном состоянии сознания. Похоже на то, что у меня, как во сне, полностью отсутствовала способность удивляться. С необычайной точностью моё сознание фиксировало малейшее событие, но, не смотря на это, мой мозг был способен производить только самые простые мыслительные операции.

Вскоре индейцы достигли верхней площадки лестницы, там они и остановились на какое-то мгновение. Я не имел ни малейшего представления относительно того, каким будет их следующий шаг. Похоже было на то, что они находились в нерешительности, и при этом внимательно и настороженно прислушивались. Затем я ухом уловил, как один из них, а по грузности его тихих шагов это должен был быть гигант, прошел по узкому коридору и вошел в комнату прямо над моей головой, то есть в мою спальню. Если бы не это наваждение, этот неизвестно откуда появившийся страх, который я пережил сегодня утром, то сейчас я бы лежал в своей кровати, а громила индеец стоял бы возле меня.

На промежутки времени, приблизительно равный ста секундам, установилась такая тишь, какая, должно быть, существовала во Вселенной до рождения первого звука⁴. Это безмолвие нарушил протяжный и пронзительный крик ужаса, который взбудоражил ночь и резко обо-

⁴ В мифологии разных народов мы встречаем удивительно похожие вещи: речь идет об Изначальном Акте Творения Вселенной. Мировые космологии говорят о том, что Вселенная родилась из звука. То есть за пределами всех физических явлений материальной природы стоит вибрация, или изначальный звук, давший начало Мирозданию. Описание этого трансцендентного звука встречается во всех достоверных Священных текстах. В Индии считается, что звук "АУМ" был первым проявлением не явленного ещё Брахмана, давшим начало воспринимаемой Вселенной, произошедшей от вибрации, вызванной этим звуком. В "Ригведе" читаем: "Вначале был Праджapati, Брахман, с которым было Слово (Звук), и Слово было воистину Наивысшим Брахманом".

рвался, так и не успев сойти на нет затихающей вибрацией. В тот же самый момент второй индеец покинул свое место на верхней площадке лестницы, и присоединился к своему попутчику, находившемуся в спальне. Я слышал, как он подметал за собой пол своим растрёпанным веником. Послышался глухой звук, будто что-то тяжелое упало, а затем снова, как и прежде, воцарилась тишина.

Именно к этому моменту атмосфера, весь день насыщаемая электричеством в преддверии жестокой бури, нашла для себя утешение в танце сверкающих молний, метая их одновременно с раскатами грома невиданной силы. После первой вспышки, появившейся на небе, на пять секунд каждый предмет в комнате стал виден для меня с поразительной отчетливостью, а через окна я разглядел стволы деревьев, застывших торжественно, ровными рядами. Гром гремел, отражаясь эхом, гулом уходящим вдаль за озеро, где оно пыталось найти себе пристанище на дальних островах. А потом развезлись хляби небесные и неукротимыми потоками хлынул дождь.

Капли дождя с нарастающим шумом обрушились на дремлющие воды озера, а те возмущенно вздымались рябью для того, чтобы встретить незваных гостей, выбивали барабанную дробь на листьях кленов и с грохотом, напоминавшим ружейные выстрелы, колотили по крыше коттеджа. Через мгновение другая вспышка с большей продолжительностью по времени и еще более яркая, чем первая, озарила небо от зенита до горизонта и в одно мгновение залила комнату ослепительным белым светом. Я видел, как за окном от дождя блестели листья и ветви деревьев. Ветер неожиданно усилился, а потом меньше чем через минуту буря, собиравшаяся весь день, разразилась неистовым гневом.

Несмотря на шумное буйство стихии, тишайшие звуки в комнате над моей головой заставили себя услышать. И вот уже через несколько секунд глубокой тишины, которая наступила сразу после душераздирающего крика ужаса и боли, я уже знал, что мои гости там задерживаться не собираются. Индейцы покинули комнату, и уже подходили к лестнице. Немного постояв на верхней площадке, они начали спускаться. Мой слух различал как, стучаясь о каждую ступеньку, за их спинами волочился тот самый раскидистый хвост, который они не забыли прихватить. Становилось просто невыносимо!

Я дожидался их приближения с относительным спокойствием, переходящим в апатию, которое можно было объяснить только на том основании, что после достижения апогея страха Мать Природа применяет свой собственный анестетик и наступает блаженное состояние душевного покоя и нечувствительности. Шаг за шагом они спускались вниз, приближаясь всё ближе и ближе, всё громче становился шаркающий звук тяжелой ноши, которую они тащили за собой.

Они уже прошли половину лестницы, когда мое тело похолодело от ужаса только при одной мысли о том, какую это мне сулит неожиданную и вместе с тем жуткую возможность. Я быстро сообразил, если вдруг следующая яркая вспышка молнии озарит комнату, когда мрачный кортеж спустится вниз, то, вполне вероятно, они и на этот раз пойдут с той стороны стола, которая ближе ко мне. В этом случае я, само собой разумеется, смогу разглядеть всё до мельчайших деталей, но самое главное, и это худшее из того, что можно представить, я стану для них заметен! Единственное, что мне оставалось – это затаить дыхание и ждать. Ждать, в то время как мгновения будут тянуться часами, а безмолвная процессия будет медленно шествовать по комнате.

Индейцы спустились до конца лестницы. Силуэт огромного верзилы закрывал проход. В этот момент ноша за их спинами с глухим стуком ударилась о последнюю ступеньку, отчего мне стало невообразимо жутко. Вдруг они остановились, и тогда я заметил, как гигант обернулся и наклонился, чтобы помочь своему приятелю. Затем процессия снова пошла вперед, заходя немного левей, а потом начала медленно огибать стол с моей стороны. Великан уже меня миновал, а его товарищ, буксировавший за собой тяжелую обузу, чьи причудливые очертания

я с трудом мог различить, находился прямо передо мной. Внезапно всё это церемониальное шествие замерло. В ту же самую секунду на фоне неожиданно смолкнувшей грозы за окном утихает ливень, а вместе с ним унимается ветер и наступает полная тишина.

Мне показалось, что секунд на пять мое сердце перестало биться, и вдруг произошло то, чего я больше всего боялся. Последовал двойной удар молнии, осветивший комнату и всё находившееся в ней, с беспощадной яркостью.

Громадный индеец, пройдя мимо, оказался футов на пять справа от меня. Одну ногу он занес для следующего шага, тогда как его необъятные плечи были обращены в сторону своего попутчика, поэтому со своей позиции я мог отчетливо разглядеть черты его лица и увидеть сквозившую в них поразительную жестокость. Он смотрел прямо на ту ношу, которую его приятель волочил по полу, однако его профиль с длинным орлиным носом, высокими скулами, прямыми черными волосами и рельефным волевым подбородком за этот короткий миг озарил мое сознание подобно вспышке и навсегда запечатлелся в нем.

Совсем карликом по сравнению со своим товарищем гигантом выглядел другой индеец, который на расстоянии меньшем двенадцати дюймов от моего лица наклонился над тем, что тащил за собой, а такая позиция добавила его облику еще больше мерзости и уродства. Поклажа, лежавшая на разлапистой кедровой ветви, которую он подтягивал за длинный одревесневший стебель, было телом белого человека. Скальп с него был мастерски снят, а широкие потеки и пятна запекшейся крови измазали его лоб и щеки.

Именно тогда в первый раз за всю ночь страх парализовал мои мускулы и, вопреки своей воле, я в сердцах произнес богомерзкое ругательство. Закричав, что есть силы, я протянул свои руки, чтобы вцепиться в шею бугая индейца, а потом, хватаясь руками за воздух, споткнулся и в беспамятстве рухнул на пол.

Я узнал, чье это было тело, и чье это было лицо.... Там на этой кедровой ветви был я собственной персоной!

День был в самом разгаре, когда я услышал мужской голос, который привел меня в чувство. Я лежал на том же самом месте, где и упал, а ничего непонимающий фермер, разинув от удивления рот, стоял посреди комнаты с буханками хлеба в руках. Кошмар, пережитый мной ночью, не выходил из моей памяти. Когда же простоватый сельчанин помог мне встать и поднял с пола мою винтовку, которая упала вместе со мной, по ходу дела, задавая много вопросов и выражая глубокое сочувствие, мне кажется, что те короткие реплики, которые я бросал ему в ответ, как не были способны хоть что-нибудь объяснить, так и не выглядели в какой-либо степени вразумительными.

В тот день после тщательных, но, тем не менее, бесплодных поисков я покинул остров, решив провести оставшиеся десять дней у фермера. А к тому времени, как настала пора мне возвращаться обратно, необходимая подготовка к экзаменам была завершена, к тому же моя нервная система после пережитого полностью восстановилась и пришла в норму.

В последний день моего пребывания на озере фермер с моими вещами отплыл на своей большой лодке к пристани, находящейся от нас на расстоянии равном двенадцати милям, к которой два раза в неделю для удобства заезжих охотников приходил небольшой пароход. А позже днем, уже далеко после обеда, я на своем каноэ решил снова отправиться к тому острову, где стал жертвой какого-то странного паранормального явления.

Я прибыл туда в надлежащее время, после чего обошел весь остров. Кроме того не забыл побывать в небольшом коттедже, в котором оставался один, причем сделал я это только из-за непреодолимого любопытства, которое из глубины души подстрекало меня снова заглянуть в ту самую спальню наверху. Правда, ничего необычного я в ней не заметил.

Не успел я отойти от берега, как увидел впереди каноэ, плавно скользящее по поверхности воды, оно как раз огибало изгиб берега острова. Увидеть каноэ в это время года было делом довольно необычным, тем более это как будто вообще появилось ниоткуда. Слегка изменив

свой курс, я наблюдал за тем, как оно скрылось за следующим на её пути, далеко выдающимся вперед выступом утеса. У него были высокие, немного загнутые внутрь нос и корма, и в нем также было двое индейцев. Ощувив эмоциональный прилив, я решил немного задержаться, чтобы посмотреть, когда оно опять вынырнет с другой стороны острова. Причем долго ждать мне не пришлось, меньше чем через пять минут я его снова увидел. Расстояние между нами было около двухсот ярдов, а индейцы, сидевшие на корточках, изо всех сил гребли в моем направлении.

Никогда в своей жизни мне не приходилось работать веслами так быстро, как я наворачивал те последние несколько минут. А когда я обернулся чтобы посмотреть, где индейцы, те уже изменили свой курс и снова пошли вокруг острова.

Солнце садилось, утопая в непроходимой чаще густого леса на главной части суши, и облака, окрашенные в малиновый цвет заката, отражались в водах озера. В последний раз я посмотрел назад, чтобы увидеть всё то же большое каноэ из древесной коры, уходящее за утес, а в нем всё те же два темных силуэта. Затем начало быстро темнеть. Озеро стало черным, внезапный порыв ночного бриза ударил мне в лицо как раз в тот момент, когда я начинал поворачивать за мыс, и в то же мгновение далеко выступающий в озеро утес и каноэ потерялись из виду.

Докучливые соседи

Джим Шортхауз был такого сорта парень, у которых всегда получается наломать дров. Всё, чем он начинал интересоваться или, если точнее, к чему прикасались его шаловливые ручки, приходило в результате этого контакта в совершенно негодное состояние и починить или исправить здесь было уже абсолютно ничего нельзя. Его годы учебы в колледже превратились в бардак и свистопляску, причем следует сказать, что его дважды исключали, правда, только временно. Его школьные дни протекали в полнейшем раздрае. За время своей учебы в школе он прогулял больше половины уроков из всей учебной программы. Кроме того те аттестаты, которые он получал в конце каждого учебного периода, от раза к разу становились всё хуже и хуже, а к этому стоит еще прибавить и тот ворох проблем и неприятностей, который день ото дня рос и становился всё больше и больше. Его детские годы можно смело назвать настоящим раскардашем, причем во всех тетрадях и прописях, в которых он тогда учился писать, это слово следовало пропечатать в самом начале с большой буквы «Р». Кроме того и его младенческие годы – бывает же такое! Также были слиянием воя, визга, писка, нытья и рева, что сделало их натуральным воплощением непрекращающейся кутерьмы и беспорядка.

Не смотря на это, в его непутевой жизни произошли перемены после того, как он встретил девушку, являвшуюся обладательницей состояния приблизительно равного пятистам тысячам долларов, согласившуюся выйти за него замуж, и которой очень быстро удалось навести в его бесшабашном житье-бытье относительный порядок и подчинить его определенной системе.

О некоторых случаях из жизни Джима, как о важных, так и не особо примечательных я бы никогда не упомянул, если бы благодаря своему умению попадать в переделки, а потом благополучно из них выпутываться, он не приобрел способности чувствовать особую атмосферу события даже при весьма необычных обстоятельствах.

Он навлекал на свою голову неприятности также неотвратимо, как сырое мясо притягивает к себе мух или сладкий джем ос. Правильней будет сказать, что только этой редчайшей способности он был обязан своим существованием. Его зрелые годы были бы сплошным сахаром и мёдом, если бы не жадные и прожорливые детишки. После того, как он женился, все его интересы сосредоточились на одной персоне, из-за чего траектория его жизни стала размеренной, точно как траектория вращения солнца вокруг центра галактики по сравнению с хаотичным движением кометы.

Его первое, если рассматривать их в хронологическом порядке, столкновение с потусторонним миром, о котором он рассказывал мне, как раз демонстрирует то, что где-то в пределах его нервной системы, находящейся в постоянном состоянии дисрегуляции, в латентном состоянии скрываются феноменальные экстрасенсорные способности. Когда ему уже было года двадцать два, я полагаю, сразу после второго отчисления из колледжа, терпение его отца, равно как и его финансовая поддержка иссякли, а Джим и опомниться не успел, как оказался в большом американском городе без единого цента в кармане. Один-одинешенек, брошенный на произвол судьбы! Причем подходящий для этого случая костюм, который в отличие от той одежды, что была на нем, не был порван, преспокойно висел в гардеробе его дядюшки.

Глубокие размышления на скамейке в одном из городских парков в конечном итоге привели его к выводу, что единственное из того, что ему осталось сделать – это убедить редактора раздела городских новостей одной из городских газет в своем выдающемся таланте и готовности работать в качестве репортера сколько угодно и когда угодно. Как бы там ни было, а ему это удалось! Стоя между редактором и окном, в самой неестественной позе какую только можно придумать, для того чтобы тот ненароком не заметил предательских дыр на его облачении, он таки сумел завоевать доверие и тот взял его к себе на работу!

- Пожалуй, нам нужно будет дать тебе недельку испытательного срока, - сказал редактор, который, пребывая в постоянном поиске подходящих кандидатур, принимал и увольнял людей толпами для того чтобы, как у них было заведено, из этого множества оставить всего одного. В любом случае эта работа дала Джиму Шортхаузу материальные средства и возможность зашить дыры на одежде, а также добраться до дядюшкиного гардероба и облегчить его содержимое.

Затем он отправился искать подходящее место, где можно было бы поселиться. А когда он отправился на поиски жилья, все присущие только ему уникальные свойства характера в форме, описываемой сторонниками теософии как карма, начали, так или иначе, проявлять себя. В результате чего он нашел для себя именно тот дом, о котором и будет наш печальный рассказ.

Роскошных апартаментов для аренды в Американских городах не найти. Особенно не густо в плане вариантов в том случае, если финансы поют романсы. Здесь выбор ограничивается с одной стороны меблированными комнатами с полным пансионом, а с другой меблированными комнатами без оного. В подобных клетушках никто вам стол накрывать не станет, не подадут даже завтрак. Понятное дело, люди состоятельные живут во дворцах да особняках, но, к сожалению, Джим к таковым не относился. Его перспективы в плане съема жилья ограничивались комнатами с полным пансионом и комнатами без пансиона. Причем, принимая во внимание вынужденное нарушение стандартного режима питания, ему пришлось ограничиться последней из предложенных альтернатив.

В одном из переулков ему удалось найти большой запущенный с виду дом с грязными, давно немытыми окнами и скрипучей ржавой калиткой, но зато комнаты в нем были просторными, а та которую он выбрал и за которую внес задаток, находилась на самом верхнем этаже. Домовладелица, сдающая комнаты выглядела изнуренной и угрюмой, вдобавок ко всему такой же дряхлой, как и сам этот издававший виды дом. Её уставшие зеленые глаза смотрели на мир отрешенным потухшим взором, отчего и без того крупные черты её лица становились еще более выразительными.

- Ну, что ж⁵, - прогнусавила она в потрясающей, свойственной только Западу манере растягивать слова. – Вот эта комната, о которой вы спрашивали, и стоит она будет столько, сколько Я вам уже говорила. Сами смотрите, если согласны, тогда по рукам, а ежели нет, то я на вас не в обиде.

Джиму хотелось обнять её и расцеловать. Однако, обратив внимание на то, как много пыли впитала в себя её одежда (она даже клубилась над ней при каждом её движении), он предпочел этого не делать. И поскольку цена и размер комнаты его устраивал, он решил все-таки согласиться.

- А здесь кто-нибудь живет на этом этаже? – спросил он.

Перед тем как ответить, та как-то странно посмотрела на него отрешенным взглядом.

- Никто из моих постояльцев прежде таких вопросов мне не задавал, - сказала она. Да только, смотрю, вы совсем не такой как они. Да нет здесь никого, только один пожилой господин, который останавливается у меня каждый раз вот уже лет пять. Его комната во-он там, - хрипатым голосом ответила она, указывая рукой в самый конец коридора.

- Ага! Хорошо, - слабым, неуверенным голосом произнес Шортхауз. – Так что же, выходит я здесь один наверху?

- Считай, угадали, - протяжно прогнусавила она, демонстративно поворачиваясь спиной к своему новому жильцу, тем самым желая сказать, что разговор закончен, а затем начала нарочито не спеша спускаться вниз по лестнице.

⁵ В оригинале используется – *waal*, образовано от – *well*, и употребляется: 1) как разговорное наречие в значении – «хорошо» (американизм: источник Оксфордский словарь английского языка; 2) также для передачи протяжного – «ну», «ну-у», «что же», «что ж», «ладно» (американизм: Оксфордский словарь английского языка).

Работа в газете занимала Шортхауза вплоть до самой поздней ночи. Три раза на неделе он пришел в час ночи, а три раза появился под самое утро, в три часа. Комната действительно оказалась достаточно комфортной, и поэтому он оплатил следующую неделю своего проживания. Работа по ненормированному графику всё никак не давала ему познакомиться с другими постояльцами, к тому же и «пожилого господина», который жил с ним на одном этаже, всё как-то было не видно и не слышно. Дом действительно выглядел очень тихим и спокойным.

Однажды ночью, а произошло это примерно в середине второй недели его квартирования, после целого дня утомительной работы он вернулся домой уставший. Ночной светильник, который каждую ночь стоял в коридоре, уже прогорел и погас, поэтому ему пришлось в потемках подниматься к себе на этаж. Пока он добрался до своей комнаты, на шуметь у него получилось довольно прилично, однако, не смотря на это, никого это вроде бы не потревожило. Весь дом как стоял в полном безмолвии, так и продолжал стоять, а все жильцы, надо полагать, как спали без задних ног, так и продолжали спать. Ни под одной из дверей не появилось предательской полоски света, свидетельствующей о том, что люди проснулись. Всё утонуло в ночной темноте. Причем часы показывали уже больше двух часов ночи.

Просмотрев несколько писем из Англии пришедших в течение дня, а после этого погрузившись на несколько минут в чтение книги, он почувствовал, что дремота начала его одолевать и поэтому решил лечь в постель. Как раз в тот момент, когда его голова склонилась низко над её страницами, он внезапно прервал чтение и прислушался. Сквозь непроглядный сумрак ночи откуда-то снизу он уловил звук приближающихся шагов. Теперь уже внимательно вслушиваясь в темноту, он точно понял то, что кто-то идет вверх по лестнице. Тяжелая поступь становилась всё различимее, а её обладатель совершенно не старался умерить свой аллюр для того, чтобы пройти без шума, не мешая другим жильцам. Грузные шаги приближались, топ, топ, топ – по видимости, какой-то крупный мужчина поднимался по лестнице, и при этом очень спешил.

Он почему-то сразу подумал, что это, скорее всего, пожарники или полиция. Однако в таком случае вместе с шагами должны были быть слышны и голоса, а их не было. Тогда он решил, что это может быть только тот самый пожилой джентльмен, о котором говорила домохозяйка, он задержался допоздна на работе, а сейчас в потемках, спотыкаясь, поднимается по лестнице к себе наверх. Джим уже собирался потушить керосиновую лампу и лечь в постель, после того как в доме снова стало тихо, но шаги неожиданно остановились прямо возле двери в его комнату.

Держа руку на колесике, регулирующем высоту фитиля в лампе, Шортхауз на мгновение замер перед тем, как его повернуть, желая узнать, возобновятся шаги или нет, и вдруг вздрогнул, сильно испугавшись, когда кто-то начал скрежетать замком на двери в его комнату, пихать в него ключ и пытаться его открыть. Тотчас, совершенно машинально, повинаясь странному, необъяснимому инстинкту, он повернул колесико и погасил фитиль, в результате чего оказался в полной темноте.

Он уже направился было к двери, чтобы её открыть, когда голос прямо за стеной, настолько близко, будто говорил ему прямо в ухо, громко произнес на немецком языке: - «Отец, это ты? Входи».

Говорящий находился за стенкой, а дверь пытались открыть не в его, а в соседней комнате, которую он считал незаселенной.

Почти сразу после того, как человек, находящийся в коридоре, ответил на немецком: «Это я! Открывай!», - Джим услышал шаги, а потом кто-то открыл дверь. Затем она с грохотом закрылась, и легко можно было различить топот, а потом было слышно, как к столу пододвигают стулья, попутно задевая ими мебель. Возникало такое впечатление, будто тех двоих за стенкой совершенно не интересовало, доставляют они неудобства соседям или нет, поскольку шума они производили достаточно для того, чтобы поднять даже мертвых.

- Эка меня угораздило! Снять комнату в такой поганой дыре! – негодовал Джим в темноте. – Интересно, кого она туда поселила!

Владелица дом ему говорила, что раньше две эти комнаты были одной. Она специально поставила тонкую перегородку из досок для того, чтобы увеличить свой доход. Двери были смежными, их разделяла массивная балка установленная вертикально между ними. Когда одну дверь открывали или закрывали, другая сильно стучала.

С полным безразличием по отношению к покою других жильцов дома, двое выходцев из Германии начали говорить оба одновременно, причем очень громко. Разговаривали они между собой на повышенных тонах, даже можно сказать раздраженно. Такие слова, как «отец» и «Отто» использовались ими постоянно и повсеместно. Шортхауз хорошо понимал немецкий, правда, волей случая, оказавшись свидетелем их разговора, за те пару минут, которые он провел стоя за разделяющей их тонкой перегородкой, ему сложно было определить, о чем именно говорили его соседи. Так как ни один из говорящих не слушал своего собеседника, норовя при каждом удобном случае перебить другого, а беспорядочная смесь из гортанных звуков и незаконченных предложений была совершенно непостижимой. Вдруг оба как-то сразу замолчали, а потом после секундной паузы один из них, тот, который, судя по всему, был отцом, с удивительной внятностью басом прочеканил:

- Ну, так что, Отто, говоришь, не пойдешь?

Ему послышалось, будто кто-то ерзает на стуле перед тем, как он услышал ответ. – Я имел в виду, что я не знаю, как их забрать. Слишком большая сумма, папа. Это очень много. Может быть, взять какую-то часть...

- Часть! – в ярости закричал на него собеседник, при этом ругаясь, на чем свет стоит. – Какую-то часть, когда всё в доме летит в тартарары! Лучше этого ты ничего придумать не мог! Если ты можешь забрать половину, ты сможешь забрать всё, понял ты, дурак безмозглый! А своими полумерами ты только всё к черту испортишь!

- Ты мне в прошлый раз сказал... - начал было второй, стараясь сохранять спокойствие, но закончить ему не удалось. Недосказанная до конца фраза утонула в злобных ругательствах, после чего отец продолжал, а его голос дрожал от гнева.

- Ты знаешь, она даст тебе всё, что ты пожелаешь. Тебе нужно только жениться и прожить с ней всего несколько месяцев. Если ты у неё попросишь под благовидным предлогом, она даст тебе всё, что нам нужно и гораздо больше. Ты можешь попросить у неё деньги на время. Мы всё вернем. Но зато эта сумма поможет мне восстановить фирму, а она даже и знать не будет о том, куда вкладывали её денежки. С такой суммой, Отто, сам понимаешь, я смогу выплатить все эти треклятые долги и менее чем за год вернуть себе всё утраченное. Но без нее... Ты должен взять эти деньги, Отто. Ты слышишь меня, ты должен. Или ты хочешь, чтобы меня посадили в тюрьму за хищение бюджетных денежных средств? Хочешь, чтобы твое честное имя было навеки запятнано, чтобы тебя презирали и поливали грязью? Пожилой мужчина поперхнулся и начал говорить заикаясь, ощущая досаду от собственного бессилия.

Ежась от озноба в темноте, Шортхауз стоял и слушал, совершенно не желая присутствовать при чужом разговоре. Беседа за перегородкой продолжалась всё в том же духе, и он почему-то опасался того, что соседи узнают о том, что он их подслушивает. Однако, в один прекрасный момент до него дошло, что шпионит он за ними уже слишком долго, и поэтому надо как-нибудь дать им понять, что ему слышно каждое слово, каждый отдельный звук ими произнесенный. Он нарочито громко кашлянул и специально потерел дверную ручку. Только, как он не старался, никто на его попытки заявить о своем присутствии никак не отреагировал, потому что как они говорили громко, так и продолжали говорить. Сын вовсю артачился и не желал выполнять волю отца, отчего тот распалялся всё сильнее и сильнее. Он снова закашлялся, на это раз пронзительно громко, не заметить такого было просто невозможно. Кроме того он затеял с виду как бы нечаянно стукаться в темноте о перегородку. Он делал это с

таким упорством, что чувствовал, как под его весом тонкие доски начали прогибаться, при этом создавая достаточно много шума. А двое за стенкой так и продолжали свой разговор, не обращая на него никакого внимания, причем их голоса стали еще громче. «Разве возможно такое, чтобы они вообще ничего не слышали?» - недоумевал Шортхауз.

К этому времени Шортхауз больше заботился о своем собственном отдыхе, нежели о нарушении нравственных устоев путем подслушивания частных скандалов у соседей с точки зрения морали. По этой причине он вышел в коридор и очень настойчиво постучался в их дверь. В то же мгновение, словно по мановению волшебной палочки, ссора в соседней комнате прекратилась. Всё погрузилось в полную тишину. Из под двери не пробивалось ни единого проблеска света, также не было слышно изнутри ни единого шепотка. Он снова постучал, но ему опять никто не ответил.

- Господа, - в конце концов, произнес он на немецком, прижавшись губами к замочной скважине. – Пожалуйста, не говорите так громко. Мне в соседней комнате слышно каждое ваше слово. Вдобавок ко всему уже очень поздно, и я хочу спать.

Он замолчал и прислушался, но ответа не последовало. Он повернул туда-сюда ручку и убедился в том, что дверь закрыта. Ни один звук не нарушал ночного безмолвия, лишь только ветер задувал в слуховое окно⁶ на чердаке, да слышалось то тут, то там где-то в доме внизу как тихонько скрипнет половица.

Холодный воздух предрассветного утра стелился по коридору, отчего его стало знобить. Гнетущая тишина наполнила весь дом и уже начинала действовать ему на нервы. Он оглянулся назад, затем осмотрелся по сторонам, ожидая и вместе с тем побаиваясь того, что кто-нибудь нарушит это таинственное беззвучие. Ему мерещились голоса, они так и продолжали звучать у него в ушах, упрямо и навязчиво. Однако внезапная тишина, навалившаяся сразу после того, как он постучал в дверь, поразила его куда сильнее и оказалась гораздо более пронзительной и громкой. Это вызвало у него странные ассоциации и породило в его голове мысли, которые он из всех сил старался отогнать от себя.

Отойдя на цыпочках от двери, он перегнулся через перила и начал внимательно всматриваться в уходящее вглубь пространство. Оно напоминало старинное подземелье, в темных сводах которого могло скрываться то, что не сулило ничего хорошего. Разыгравшееся воображение тут же начинало рисовать образы, и вот ему уже казалось, будто кто-то внизу под ним украдкой движется то в одном, то в другом направлении. А кто это там сидит на лестнице и исподтишка подсматривает за ним? Он даже почувствовал на себе этот жуткий, отвратительный взгляд. Кто это там внизу шушукается и шаркает ногами в темном холле и на лестничных площадках? Не скрывается ли в этом нечто более таинственное и страшное, чем невнятные шорохи ночи?

Ветер усиливался, заставляя слуховое окно гудеть на все лады, вдобавок ко всему дверь за его спиной начала греметь и от этого он испуганно вздрогнул. Оторвавшись от перил, он уже собирался вернуться к себе в комнату, но именно в этот момент сквозняк захлопнул дверь перед самым его носом, как если бы кто-то изнутри с силой её толкнул. Когда хорошенько надавив на дверь, ему все-таки удалось её открыть, он обомлел, увидев перед собой великое множество призрачных теней стремительно бросившихся врассыпную и норовивших быстрее юркнуть в темный угол или спрятаться в каком-либо другом укромном месте. Во всяком случае, в соседней комнате звуки и голоса полностью прекратились. И тогда, немного успокоившись, Шортхауз залез под одеяло, чтобы отправиться в страну сладких снов, оставив позади странный дом с его не менее странными обитателями.

⁶ Слуховое окно — окно в кровле здания, предназначенное для естественного проветривания, освещения чердачных помещений и, иногда — для выхода на крышу. Слуховые окна в виде выступа на крыше используемые для освещения жилых подкровельных пространств называются люкарнами.

На следующий день первым делом, что являлось вполне разумным, лишь только забрезжили первые лучи солнца, он решил подать жалобу на шумных жильцов из соседней комнаты и потребовать от домовладелицы заставить их не разговаривать так громко в ночное время или ранние утренние часы. Но случилось так, что той на месте не оказалось, а когда он вернулся домой с работы было уже за полночь, и, само собой разумеется, беспокоить её было уже слишком поздно.

Заглянув под соседнюю дверь, перед тем как идти спать, и убедившись в том, что свет в комнате не горит, он подумал, что докучливых немцев сейчас в комнате нет. Ну что же, тем лучше, вспыхнула в его сердце искра радости. В постель он лег около часа ночи, намереваясь в том случае, если его соседи по возвращении домой опять устроят гвалт, не особенно с ними церемониться, а сразу идти к хозяйке. А та пускай сделает им замечание своим властным гнусавым голосом, в той самой присущей только ей манере, когда каждое произносимое слово подобно удару металлическим кнутом.

Впрочем, оказалось, что нет никакой необходимости в принятии столь радикальных мер, ибо Шортхауз мирно почивал всю ночь напролет, а снились ему золотые нивы да стада овец на дальних угодьях в поместье его отца – и шли эти сны чередой, не прерывая своего затейливого хода.

Однако двумя ночами позже, когда после тяжелого рабочего дня он вернулся домой совершенно измотанный, насквозь промокший и продрогший после жесточайшего урагана, каких ему до сей поры видеть не приходилось, не судьба ему была насладиться радужными снами о золотых нивах и белых овечках, неизменно посещавших его.

Ненадолго сны Джима приобрели оттенок, как бы новый окрас, под влиянием страха, приближавшегося к нему откуда-то извне на бессознательном уровне. Поначалу его сознание отказывалось покидать ту волшебную страну, где оно странствовало, и поэтому он ни в какую не хотел настраиваться на другую волну. Между тем природа его снов изменилась коренным образом. Его невинные белые овечки неожиданно сбились в кучу, будто испугавшись злого волка, а золотые нивы начали колыхаться так, словно какое-то чудовище грузно и неуклюже ходило по густым посевам. Небо в его сне начало темнеть и покрываться тучами и откуда-то сверху из самого их скопления раздался ужасный звук. А в это время шум, доносящийся с лестницы, становился всё громче и отчетливее.

Шортхауз беспокойно метался в постели и стонал, словно от мучительной боли. Через мгновение он очнулся и вдруг понял, что сидит в постели, сосредоточенно прислушиваясь. Это был кошмар? Неужели он уже до того дошел, что ему начинает сниться всякая жуть, от которой по телу ползают мурашки и волосы на голове встают дыбом?

В комнате было темно и тихо, зато за окном уныло стонал ветер и лил дождь, снова и снова окатывая окна, как из ведра, барабанил по ним, заставляя их дребезжать. – Как было бы здорово, – пронеслась молнией мысль в его голове, – если бы все ветры, подобно западным ветрам, утихомиривались с появлением солнца! Какой ужасный шум они поднимают по ночам, воют и визжат точно как демоны на все лады! А в дневное время они звучат по-другому. Если только...

- Что это! – А ведь это был уже не сон, потому что звук с каждым мгновением становился всё громче, а тот, кто его издавал, поднимался вверх по лестнице. Он поймал себя на том, что упорно пытается понять, что может порождать такой звук, и никак ему это не удается. Однако, как бы он не прислушивался, звук всё также оставался невнятным, и это не давало ему возможности ясно определить причины его возникновения.

Куранты на церковной колокольне пробили два часа ночи, заглушая вой ветра. Именно в это время три ночи назад немцы закатили скандал. Шортхауз твердо решил, если они снова начнут выступать, он их выходки больше терпеть не станет. Тем не менее, он уже прекрасно понимал, как тяжело ему будет вылезти из под одеяла. Ведь постель была такая теплая, такая

удобная. Звук приближался, с каждым мгновением становясь всё отчетливей, всё более различимым на фоне посторонних шумов. В конце концов, он четко определил, что это были шаги одного или двух человек, поднимающихся по лестнице.

- Опять эти немцы! Вздернуть бы их не мешало! – подумал Джим. – Что это, черт возьми, творится со мной? Никогда в жизни мне еще не было так дурно!

Его всего трясло. Он так замерз, словно оказался на морозе. Тем не менее, он вполне мог владеть собой, и при этом не ощущал недостатка твердости духа. Однако его охватило то самое странное чувство смятения и беспокойства, знакомое наиболее отважным мужам, когда они понимают, что подхватили какую-то опасную и смертельную болезнь. По мере того, как шаги приближались, ощущение того, что он чем-то заболел, только усиливалось. Невероятная усталость навалилась на него, он почувствовал что-то похожее на изнеможение, сопровождаемое нарастающим онемением конечностей, от которого в его голове стали возникать образы, как если бы его сознание покинуло привычное ему место сосредоточения в голове и приготовилось действовать на другом плане. Впрочем, каким бы странным это не выглядело, по мере того, как жизненная сила покидала его тело, восприятие им окружающей среды становилось всё более обостренным.

Тем временем шаги уже громыхали на самой верхней лестничной площадке, и тогда Шортхаузу, который так и продолжал сидеть прямо в постели, послышалось, будто тяжелой щеткой провели по его двери и рядом по стене снаружи, а потом почти сразу после этого кто-то костяшками пальцев громко постучался в дверь смежной комнаты.

В то же мгновение, хотя вплоть до настоящего момента через тонкую перегородку не доносилось ни единого звука, он четко различил, как кто-то отодвинул в сторону стул, затем быстрым шагом пересек комнату и открыл дверь.

- А! Это ты, - он явственно расслышал голос сына, доносящийся изнутри. – Неужели этот парень всё это время так и сидел в своей комнате тише воды, ниже травы, ждал, пока придет его отец? – Такая мысль Шортхаузу ни в коем случае приятной не показалась.

На это странное приветствие ответа не последовало, однако дверь тут же закрыли, после чего раздался звук, как если бы сверток или сумку швырнули на деревянный стол, а тот по нему немного проехал, прежде чем остановиться.

- Что это? – с тревогой в голосе спросил у отца сын.

- Можешь посмотреть, прежде чем я уйду, - ответил тот ему грубо. В действительности его голос был более чем грубым, в нем можно было уловить нотки скрытого недовольства.

Шортхауз почувствовал сильное желание вмешаться в их беседу и прекратить всё еще до того, пока они не зашли слишком далеко, но так или иначе его воля сейчас была недостаточно сильна, и поэтому он так и не смог вылезти из кровати. Тем временем разговор за перегородкой набирал обороты, высота каждого голоса, манера произношения и оттенки интонации были ясно уловимы сквозь шум неутихающей бури.

Понизив голос, отец продолжал. Джим пропустил несколько слов в начале предложения. Заканчивалось оно так: «...но теперь они уже все ушли, вот почему я выкроил время приехать к тебе. Ты знаешь, зачем я пришел». – В его голосе слышалась явная угроза.

- Да, - ответил сын, - Я тебя ждал.

- И где же деньги? – с нетерпением в голосе спросил отец.

Ответа не последовало.

- У тебя была три дня на то, чтобы их получить. Я изо всех сил постарался оттянуть срок платежа вплоть до сегодняшнего дня. Но завтра уже всё, - конец!

В ответ только молчание.

- Отвечай, Отто! Ты забрал деньги? Говори, мой сын. Ради Бога, скажи мне правду.

На мгновение воцарилось молчание, в течение которого казалось, будто ярко выраженный вибрирующий акцент пожилого мужчины эхом прокатился по комнатам. Тихий голос ему ответил:

- У меня ничего нет.

- Отто! – в гневе закричал второй. – Как ничего нет!

- Я ничего не получил, – слышался слабый шепот.

- Ты врешь! – задыхаясь от злости, орал на него отец. – Клянусь, ты мне врешь! Давай сюда деньги.

Послышался скрежет ножек стула по полу. По-видимому, мужчины сидели за столом, а потом один из них поднялся. Шортхауз явственно уловил слухом, как тяжелую сумку или сверток волокут по столу, за этим последовал топот шагов, будто один из мужчин вышел из-за стола и направился к двери.

- Папа, я хочу знать. Что там внутри? – спросил Отто, на этот раз в его голосе чувствовалась решимость. Вероятней всего сын предпринял попытку завладеть свертком, лежащим на столе, а отец ему помешал, потому что тот упал на пол. После того, как сверток коснулся пола, раздался своеобразный дребезжащий звон. Немедленно между двумя мужчинами завязалась драка. Каждый из них пытался завладеть свертком. Тот, который был старше, ругался на чем свет стоит, оскорбляя своего противника последними словами, второй пыхтел, сосредоточив все свои силы. Схватка продолжалась какое-то время, и по всей видимости, молодой взял верх, потому что через мгновение он в ярости закричал.

- Я знаю, что там внутри! Это её драгоценности! Ах ты мерзавец! Ты бы никогда их не получил! Это же преступление!

У пожилого мужчины вырвался гортанный смешок, от которого у Джима кровь застыла в жилах и по коже побежали мурашки. В ответ не последовало ни единого слова, и, примерно, секунд десять до него доносились звуки жестокой борьбы, продолжавшейся в полном молчании. Вдруг тяжёлый удар потряс воздух. Тут же слышался стон, а потом обмякшее тело рухнуло на стол. Через мгновение можно было различить, как что-то грузное начало сползать со стола на пол и стукнулось о перегородку, разделявшую обе комнаты. Удар был такой силы, что от него кровать моментально начало трясти, а у Джима непроизвольно вырвалось неприличное ругательство. Он тут же вскочил с постели и одним прыжком оказался у двери. Теперь он уже несколько не сомневался в том, что там, за тонкой перегородкой, в соседней комнате было совершено убийство. Отец убил собственного сына.

Трясущимися руками, но с решимостью в сердце он зажег лампу, и первая деталь, которую он заметил, тем самым подтвердив услышанное ушами, выглядела ужасающей, потому как нижняя часть перегородки очень сильно и неестественным образом выпирала в его комнату. Яркие обои, наклеенные на стену, треснули от давления и доски под ними очень заметно прогнулись внутрь. Какой чудовищной должна была быть приложенная сила, вызвавшая такое сильное повреждение, ему страшно было даже представить.

Всё это промелькнуло перед его глазами в считанные доли секунды. С тех пор, как безжизненное тело, ударившись о стену, сползло на пол, из соседней комнаты не было слышно ни единого звука, ни стоны, ни даже топота шагов. Лишь только дикие завывания ветра доносились до его ушей. Преобразовавшись в демонический гимн, они воспринимались его внутренним слухом как ликование ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.